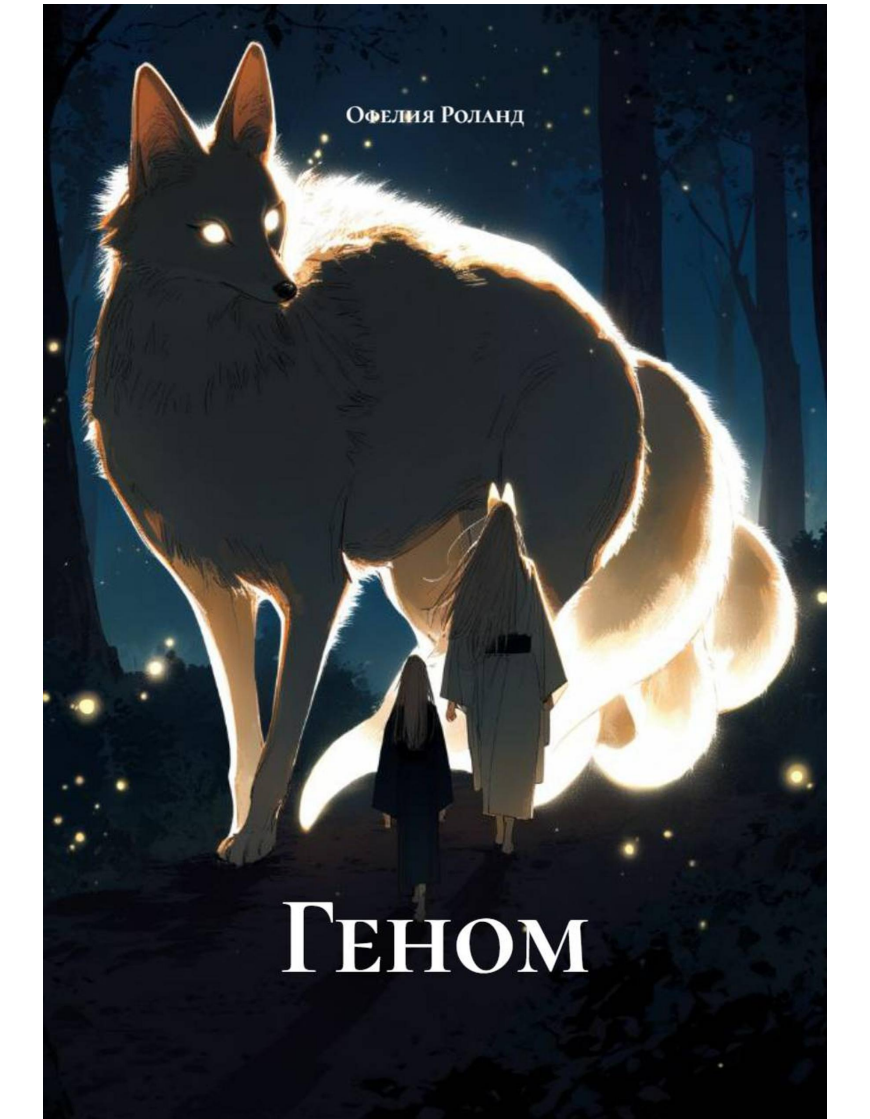




ОФЕЛИЯ РОЛАНД

ГЕНОМ

Офелия Роланд Геном

<https://litres.ru/73284999>

SelfPub; 2026

Аннотация

В книге Офелии Роланд Геном вы погрузитесь в историю Амайи, оказавшейся в горниле противостояния с мрачными силами. В стенах Академии Мефистотеля, где юные гибриды Города N учатся обуздывать свои дары и сосуществовать с людьми, она познает цену своей уникальности. Амайя одна из избранных, кому предначертано стать тайным стражем хрупкого мира Ренвила. Ей и ее товарищам уготована роль оружия во тьме, щита, оберегающего сонное царство от надвигающейся угрозы. Вас ждут головокружительные приключения, яростная борьба с демонами внутри и врагами извне, клубок темных тайн, ждущих своего часа. Вы пройдете рука об руку с героиней сквозь тернии испытаний, наблюдая, как она отважно встречает опасности, подстерегающие ее на каждом шагу.

Содержание

Пролог	4
Акт 1: В ПАСТИ ВОЛКА	7
Глава 1: Осколки прошлого	7
Глава 2: На острие когтя	21
Глава 3: Цена отвлечения	29
Интерлюдия: Побег	39
Глава 4: В логове волка	47
Глава 5: Изгой и ошейник	55
Интерлюдия «Прошлое»: Первые впечатления	70
Глава 6: Зов крови	78
Глава 7: Побег сквозь туман	88
Интерлюдия: В тени пропавшей	102
Глава 8: Пламя и Пепел	115
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Офелия Роланд

Геном

Пролог

Каждый из нас когда-то говорил себе, что нужно быть выше каких-то кретингов. Не надо обращать на них внимание. Просто нужно расслабиться и забыть. Но...

Что-то во мне взорвалось. Горячая волна ярости поднялась из самой глубины души, сметая все доводы рассудка. Я медленно поднялась из воды, чувствуя, как капли стекают по моей спине, словно слезы, которые я не позволила себе пролить.

– Моральные уроды, – прошипела я, и мой голос прозвучал тише шёпота, но от этого стал только опаснее. – Только и можете, что языком чесать.

Наступила тишина, напряженная, словно перед ударом грома. Волчицы замерли, их глаза расширились от изумления, а затем загорелись яростью.

– Что ты там вякнула, полукровка? – самая высокая из них поднялась, блокируя мне путь к отступлению. – Думаешь, если тебя привёл сам господин Сэиджи, то тебе всё можно?

Я не отвечала. Все слова уже были сказаны. Вместо этого я двинулась вперёд – не как ученица Академии, не как агент, а как загнанный зверь, у которого отняли последнее, что у него осталось – веру в своих друзей.

Моя рука впилась в мокрые чёрные волосы первой на-смешницы. Хруст, вопль, брызги. Кто-то бросился на меня сбоку, но я уже была готова, отвесив оплеуху, от которой та отлетела к бортику. Третья выпустила когти, но я была быстрее, яростнее, отчаяннее. Я вцепилась ей в прядь и дёрнула, чувствуя, как под пальцами что-то поддаётся.

Крики, плеск, чьи-то сдавленные рыдания. Вода вокруг нас забурила, наполняясь тёмными прядями и запахом чужой боли. Это была не честная битва: их трое и я одна. Но мне повезло, что эти курицы хороши только в служении господам.

Когда они, наконец, отступили – униженные, с вырванными клоками шерсти – я осталась стоять посреди бассейна, дрожа от выброса адреналина. Грудь вздымалась, сердце стучало где-то в горле.

Я медленно опустилась, стараясь дышать глубже. Руки тряслись. Я собрала в пучок свои длинные русые волосы, в которых запутались чужие пряди, и снова погрузилась в воду по подбородок.

Горячая вода обжигала кожу, но внутри я была холодна как лёд. И сквозь оглушительный гул в ушах пробивался один единственный вопрос, на который у меня не было ответа:

– Как я умудрилась до такого докатиться?

АКТ 1: В ПАСТИ ВОЛКА

Глава 1: Осколки прошлого

Тьма не была просто отсутствием света. Она была жидкой, плотной, вязкой как смола. Она залепляла рот и ноздри, и каждый вдох обжигал лёгкие не воздухом, а едкой, сладковатой гарью. В ушах стоял оглушительный грохот – не отдельные крики, а сплошной вопль улицы, животный и полный такого ужаса, что по коже бежали мурашки. Они бежали. Мимо меня, сквозь меня, отталкивая, сбивая с ног. От чего? От огня? От самих себя?

А потом я увидела их. Не ярких мотыльков. Это были сгустки живого, яростного пламени, рождённые не из дерева, а из самой плоти и души. Они не порхали – они набрасывались. С шипящим треском впились в обшивку стен, в занавески, в волосы бегущих людей. Один, алый и невероятно горячий, приземлился мне на руку. Боль была мгновенной и ослепительной – не ожог, а укус раскалённого до бела металла. Я закричала, но мой крик потонул в общем хаосе.

Сквозь слёзы, застилавшие зрение, я пыталась найти его.

«Папа!» — хрипло вырывалось у меня, но дым превратил этот крик в беззвучный шёпот. И тогда я увидела его. Не среди обломков. Он стоял спиной ко мне, в самом эпицентре огненного вихря, пожиравшего нашу гостиную. Его фигура была искажена жаром и пляшущим воздухом, но я узнавала его очертания. И он не кричал. Не звал на помощь. Он что-то искал. Лихорадочно, с какой-то одержимостью рылся в пылающих обломках своего кабинета.

Вдруг он обернулся. Его лицо было не лицом спасителя. Глаза, обычно такие ясные, горели тем же странным, нечеловеческим огнём, что и всё вокруг. В них не было страха. Была жажда. Азарт. И в этой жуткой, оранжево-чёрной мгле наши взгляды встретились.

В тот миг мир окончательно рухнул. Пол подо мной провалился с оглушительным рёвом, и я полетела вниз, в угольную темноту, чувствуя, как мою кожу обжигает, а кости ломаются от удара.

И в этой окончательной, безмолвной тьме, лишённой всего, даже боли, до меня донёсся голос. Он был таким же нежным и разбитым, каким я помнила его всегда, но теперь в нём была ещё и вселенская скорбь.

— Ами, девочка моя... — прошептал он, и шёпот этот был

громче любого крика. – Забудь эти невзгоды. Будь сильной... и попробуй простить...

Я попыталась дотянуться, найти её в кромешной тьме.

– Мама... – мой собственный голос был хрипом умирающего. – Мама, он... он...

Но тьма уже сомкнулась, поглотив последний проблеск сознания.

Собственный хриплый шёпот вырвал меня из объятий кошмара. Я резко села на кровати, сердце колотилось где-то в горле, а в лёгких всё ещё не хватало воздуха, будто я всё ещё дышала едким дымом. Я провела ладонью по лицу, смахивая мнимую сажу, и почувствовала, как дрожат пальцы.

Комната медленно проплывала перед глазами, выплывая из остатков ночного кошмара. Она была невелика, с высоким потолком, от которого веяло лёгким холодом. Лунный свет, пробивавшийся сквозь стрельчатое окно, выхватывал из тьмы знакомые очертания: грубый деревянный стол, заваленный свитками и чертежами, простой шкаф для одежды и замысловатую металлическую конструкцию в углу – недавнее изобретение Кортни, назначения которого я до сих пор не понимала. Воздух пах пылью, старой бумагой и едва уло-

вимым ароматом ладана – обычный запах Академии. Я сбросила одеяло – грубое, но тёплое – и босыми ногами ступила на прохладный каменный пол.

Подойдя к окну, я упёрлась лбом в холодное стекло. Отсюда, с башни общежития, открывался вид на Академию Мефистотеля во всём её противоречивом величии. Это был не просто учебный корпус, а целый укреплённый комплекс, гордо возвышавшийся над спящим Ренвиллом. Высокие стены из светлого камня надёжно укрывали нас от внешнего мира. За ними – целый лабиринт зданий: учебные корпуса с устремлёнными в небо шпилями, библиотека с огромными витражными окнами, казармы для стражей и даже несколько мастерских, откуда доносился лязг металла и чувствовался запах гари. Академия была нашим домом, нашей крепостью и нашей тюрьмой.

Здесь гибридов, рождённых в Городе N, вроде нас, учили контролировать свои способности и жить среди людей. А ещё в академии был особый класс – те, кого отбирали для секретных миссий. Мы с ребятами как раз были из таких. Нас готовили быть орудием в тени, защищающим хрупкий мир Ренвила.

В дверь постучали. Легко, почти несмело.

– Амайя? Ты уже встала? – это был голос Роя.

Я отвела взгляд от окна, за которым ночь уже отступала перед рассветом. И только сейчас осознала, что полностью оделась и застелила кровать, начисто позабыв о прошедших часах. Мои мысли поглотили меня целиком, крадя остаток ночи.

Глубокий вдох, затем выдох. Так, достаточно. Пора успокоиться и надеть привычную маску – маску того, кем я была для всех здесь.

– Да, входи.

Дверь скрипнула, и внутрь просунулась знакомая рыжая голова с взъерошенными выющимися прядями. Большие зелёные глаза Роя смотрели на меня с беспокойством, а его пальцы нервно почёсывали затылок. Он уже был одет в свою обычную форму – прочные штаны и тунику, слегка помятую после сна.

– Эм, принёс тебе кофе. Ты... опять плохо спала?

Он протянул мне кружку, и я кивнула, с благодарностью принимая тёплый напиток. Горький аромат немного прогнал остатки кошмара. Рой всегда всё чувствовал. Возможно, ска-

зывалось его волчье чутьё.

– Ничего страшного, – буркнула я, делая глоток. – Просто приснилась лаборатория. Опять.

Я солгала. И он знал, что солгала. Но мы давно научились уважать границы друг друга. Он никогда не лез с расспросами, а я не спрашивала о «монстре», которого он так тщательно скрывал за сотней масок – о той части его природы Варга, что бушевала в нём, когда он терял контроль.

В дверном проёме, как всегда вовремя, возникла Кортни. В её смуглых руках был свёрнут чертёж, а в золотистых глазах искрилось озорство.

– Ну что, ребята, – спросила она. – Готовы покорить Академию?

Я невольно улыбнулась. Её неукротимая энергия всегда действовала на меня лучше любого кофе.

– Сомневаюсь, что мисс Грей так просто расстанется со своим креслом, – парировала я.

– Ничего, просто приложим усилия, – Кортни вошла в комнату, и пространство сразу же стало ярче. Она развер-

нула чертёж на моём столе, смахнув на пол пару свитков. –
Смотри. Сегодняшнее задание. Зброшенный завод на ней-
тральной территории. Разведка и ничего более.

Я подошла к столу, и моё сердце, только-только успоко-
ившееся, снова ёкнуло. Завод. Есть открытое пространство.
Высокий риск столкновения.

– Что-то не так? – Кортни посмотрела на меня пристально.
Её интуиция, в которую она не верила, иногда была пугающе
точной. – У тебя такой вид, будто ты уже видишь там стаю
голодных волков.

– Нет, всё в порядке, – я поспешно отвела взгляд, делая
вид, что изучаю план. – Просто... не люблю открытые про-
странства. Легко попасть в засаду.

– Не бойся, лапуля, – Рой ободряюще хлопнул меня по
плечу своей большой ладонью. – Если что, я покажу свой
грозный волчий оскал. Ну, или мы очень быстро побежим.
Я в этом мастер.

Он подмигнул, и я фыркнула. Он пытался меня подбод-
рить, напоминая о нашей общей легенде. Для всех в Ака-
демии я была Амайя – гибрид-оборотень, Вург с нераскры-
тым потенциалом и неумеха, которую из жалости взяли под

крыло. Рой, как настоящий друг, поддерживал эту иллюзию, иногда «подсказывая» мне, как ведут себя волки. Никто, кроме нас троих, куратора и директора, не знал, что под этой маской скрывается не неумеха-волчонок, а кумихо, чья истинная сила была опасной тайной.

– Ладно, – Кортни свернула чертёж. – Но сначала – урок у Гризельды. Пропускать её исторические байки невежливо.

Мы вышли в коридор – высокий, сводчатый, освещённый тусклым светом магических сфер, плывущих под потолком. Воздух здесь был прохладным и пах старым камнем и воском. Стены были украшены гобеленами, изображавшими славные битвы и мифических существ, но краски на них выцвели, а на некоторых зияли дыры от времени. Наш путь лежал через Главный зал. Его размеры всегда заставляли меня чувствовать себя букашкой.

Огромные витражные окна отбрасывали на каменные плиты пола разноцветные пятна, которые с утра казались блёклыми и сонными. Эхо наших шагов пугающе гулко разносилось под сводами, смешиваясь с отдалёнными голосами других учеников.

Я шла между ребятами, чувствуя знакомое ощущение. Мы были не просто друзьями – мы были командой. Одной

из многих, созданных по уставу Академии: три человека, один куратор. Нашим наставником был как раз учитель истории. Внимательный человек, который в наш первый день свёл вместе рыдающего от стыда Роя, любопытную Кортни из кружка инженеров и меня – злую и испуганную девочку из детского дома.

С тех пор мы прошли долгий путь от неуклюжих новичков до... кого? Нам с Роем по 19, Кортни – 18. Мы молоды, но уже не дети – нам доверяют миссии, от которых зависят жизни. Формально мы уже достигли совершеннолетия и теперь работаем на Академию, несмотря на то, что ещё заканчиваем последний курс. Кортни пропадает в мастерских, став талантливym изобретателем, Рой учит младших учеников азам алхимии, а я... Я стала тенью, агентом Академии. Выполняю то, что другие не могут или не смеют. Директор лично даёт мне задания, и в последнее время всё сводится к одному: найти следы других кумихо. Существ, скрывающихся, как и я сама. И с каждым таким поручением надежда найти кого-то и страх быть обнаруженной вели смертельный танец у меня в груди.

В последний раз Грей говорила о поступающих сигналах об активности редких артефактов, связанных с силой древних кицунэ. Это могут быть следы уцелевших кумихо или что-то иное. Наша с ребятами задача – найти источник сиг-

налов и доложить. Это было приоритетом не только для Академии, но и для меня.

Аудитория миссис Гризельды находилась в одном из самых старых крыльев Академии. Классная комната была полукруглой, с рядами деревянных скамеек, поднимающихся амфитеатром. В центре стоял её стол, а за ним – огромная карта Ренвила и соседних земель, исписанная непонятными значками. Сама Гризельда, худая, как скелет, женщина в тёмных одеждах, с глазами-бусинками, которые, казалось, видели больше, чем следовало, уже ожидала нас.

– Садитесь, садитесь, – её голос был скрипучим, как ветхая дверь. – Сегодня мы продолжим наш разговор о том, что формирует нашу реальность. О легендах.

Я устроилась рядом с Роем и Кортни на одной из задних скамей. Рой сразу же принялся рисовать что-то на краешке пергамента, а Кортни, подперев голову рукой, смотрела на преподавательницу с деловым видом.

– Как вы все знаете, – начала Гризельда, обводя класс своим пронзительным взглядом, – наш город стоит на костях. И самый главный урок, который мы можем извлечь из прошлого – это разница между жертвой и тираном. Между спасителем и чудовищем.

Она подошла к карте и ткнула длинной указкой в район, где когда-то располагался Город N.

– Десять лет назад величайшая угроза, с которой сталкивался Ренвил, была повержена. Эту угрозу звали Тидой. Существо невероятной силы, порождение человеческого высокомерия и магического хаоса. Она была кумихо.

В классе пронёсся вздох. Кумихо. Даже сейчас, спустя десятилетия, это слово вызывало благоговейный ужас. Самая редкая и могущественная из рас, девятихвостые лисы, чья сила граничила с божественной. Мало кто видел их воочию, и многие считали, что после событий в Городе N они исчезли навсегда. Конечно, так думали все, кроме моего окружения и клана Клык.

– Тида, – продолжала Гризельда, – была не просто кумихо. Она была олицетворением их тёмной природы. Её пламя пожирало всё на своём пути. Она не просто убивала – она стирала память, волю, саму душу. И если бы не героизм другого существа, Мефистотеля, мы все были бы её рабами или пеплом.

Я сжала кулаки под столом. Что-то внутри меня кричало, что это неправда. Не та правда.

– Мефистотель, – голос Гризельды стал почти благоговейным, – тоже был кумихо. Первый и, возможно, последний из своего рода, кто избрал путь служения и разума. Он был противоположностью Тида – где она видела лишь хаос, он стремился к порядку и гармонии. Он видел её безумие и встал на нашу защиту.

Она сделала паузу, давая нам проникнуться значимостью момента.

– В ту последнюю ночь, когда Тида, охваченная параноидальной яростью, пыталась уничтожить Город N и всех его обитателей, именно Мефистотель противостоял ей. Он пожертвовал собой, чтобы загнать её обратно в пламя, которое её и породило. Большинство историков сходятся во мнении, что он пал в той битве, став последней жертвой Тида. Он – причина, по которой мы до сих пор дышим свободным воздухом, и горькое напоминание о том, что даже величайшая раса может быть уничтожена безумием. Помните это. Тида – это урок о том, к чему ведёт неконтролируемая сила. Мефистотель – пример истинной жертвы.

Кортни, сидевшая рядом, что-то усердно конспектировала. Рой перестал рисовать и смотрел на карту с серьёзным, нехарактерным для него выражением лица.

А у меня в голове стоял оглушительный гул. Кумихо. Такие же, как я. Я снова видела тот огонь. Но это не был огонь бессмысленного разрушения. Это был огонь отчаяния. Это была боль. Почему-то я была в этом уверена. И мысль о том, что Мефистотель, мой предполагаемый сородич, мог выжить, вызывала странное, щемящее чувство надежды.

– Мисс Гризельда, – я не ожидала, что заговорю, но слова вырвались сами. – А откуда мы знаем, что она была безумной? Может, у неё была причина? Может, её спровоцировали?

В классе наступила тишина. Гризельда уставилась на меня своими птичьими глазками.

– Интересный вопрос, мисс Амайя, – сказала она, и в её голосе слышались стальные нотки. – Архивы и уцелевшие свидетели единодушны. Никакая причина не может оправдать попытку геноцида. Сила кумихо слишком велика, чтобы позволить ей выйти из-под контроля. Тида – вечное напоминание об этой опасности. На этом урок окончен.

Когда мы выходили из аудитории, Кортни толкнула меня локтем.

– Что это на тебя нашло? Обычно ты на её уроках спишь.

– Не знаю, – честно ответила я, чувствуя, как дрожь снова подбирается к рукам. – Просто... эта история. Она кажется неправильной. Слишком... чистой. Как будто кто-то специально вымарал из неё все неудобные детали.

– Ну, она же легенда, – пожал плечами Рой, снова почёсывая затылок. – В них всегда всё приукрашено. Идём уже, на задание опаздываем.

Мы вышли из здания Академии и направились к воротам. Я шла чуть позади, чувствуя знакомое напряжение. Страх не справиться, страх раскрыться. Но теперь к ним добавился новый – гнетущее чувство, что моё прошлое и моя истинная природа связаны с теми двумя кумихо из рассказа Гризельды. И что огонь, который я так усердно тушила, может быть тем самым, что когда-то поглотил Тиду... и, возможно, Мефистотеля.

Я не знала тогда, что очень скоро притворяться будет бесполезно. И что правда о Тиде и Мефистотеле окажется гораздо страшнее и прекраснее любой легенды.

Глава 2: На острие когтя

Призрачный ужас кошмара и ядовитые уверения Гризельды ещё витали в сознании, когда мы покинули прохладные стены Академии. Солнечный свет, падающий на мостовую, казался неестественно ярким, будто пытался выжечь из меня остатки ночного мрака. Я шла, чувствуя, как по спине бегут мурашки – смесь отголосков адреналина и живого, щемящего возмущения.

«Никакая причина не может оправдать...» – эхом отзвучивал в голове скрипучий голос учительницы. А что, если причина была? Что, если тот огонь, что я видела, был не безумием, а единственным возможным ответом? Моя собственная сила, приглушённая и спрятанная, тихо шевелилась внутри, словно внемля моим мыслям.

– Ты вся в себе, – голос Роя, прозвучавший рядом, заставил меня вздрогнуть. Он шёл, засунув руки в карманы штанов, и его рыжие вихри трепал ветер. – После того вопроса Гризельде... Думаешь, она теперь будет на тебя косо смотреть?

Я лишь пожала плечами. Как объяснить им, что история о

«безумной» кумихо отзывается во мне глухой болью, будто кто-то ковыряется в незажившей ране?

– А по-моему, она задала правильный вопрос, – неожиданно вступила Кортни. Она шла впереди в удобном комбинезоне и свободной рубашке, её смуглое лицо было серьёзным. – Все эти легенды... они как механизм без половины шестерёнок. Красиво, но не работает. Неужели никто не задавался вопросом, что довело Тиду до такого?

Её слова стали бальзамом для моей израненной души. Кортни, с её практичным умом, всегда искала корень проблемы.

– Легенды на то и легенды, – Рой пожал плечами. – Чтобы их рассказывали у костра. Может, и правда, лучше некоторые вещи оставить в прошлом?

– Некоторые вещи не дают тебе этого сделать, – тихо проворковала я. – Они являются тебе по ночам.

Мы миновали главные ворота Академии – массивную арку из светлого камня. Стражи – двое гибридов с орлиными чертами – кивнули нам. Их зоркие глаза, дар наследников Хату, людей-птиц, без труда различали малейшее движение на горизонте.

Мир за стенами был другим – более шумным, живым, но и более хрупким. Воздух пах пылью, выпечкой и дымком фабрик. Люди и гибриды спешили по своим делам. Среди них мелькали и те, чья кровь была смешана слишком причудливо – потомки неудачных экспериментов, не имеющие ни способностей, ни места в чёткой иерархии рас. Мир знал четыре столпа, четыре великих рода, рождённых в горниле Города N. На вершине – кумихо, лисы-оборотни, повелители огня, чья сила граничила с божественной. За ними – Варги, волки, дети земли, сильные и свирепые. Далее – Хату, люди-птицы, хозяева неба и ветра. И Наги, змеиные потомки, хранители тайн и водных глубин. А ещё были Отступники – те, чей разум пал под натиском звериной сущности. Обезумевшие твари, которых ссылали на тот самый остров N, место, где десять лет назад и случилась та самая «беда».

Наш путь лежал не через оживлённые улицы, а вдоль края академического леса. Мы свернули на западную тропу, где воздух стал влажным и прохладным от близости озера. Его гладь, подёрнутая лёгкой рябью, отражала стройные сосны и суровые очертания западного крыла Академии. Мы двигались к заброшенному участку Ренвила – к старому мосту, что когда-то соединял Академию с городом, а теперь был лишь ржавым воспоминанием.

С каждым шагом тревога внутри меня нарастала, превращаясь в тяжёлый ком в животе. Завод. Открытое пространство. Я инстинктивно потянулась к капюшону своего плаща.

– Эй, лапуля, – Рой мягко толкнул меня плечом. – Не напрыгайся так. Обычная разведка. Зашли, посмотрели, ушли. Я даже припрятал пару дымовых шашек. На случай, если моё врождённое обаяние не сработает.

Он продемонстрировал маленькие металлические сферы, и я невольно улыбнулась. Его попытки подбодрить, пусть и неуклюжие, всегда были искренними.

– Главное – не забывай про свою «особенность», – тихо напомнила Кортни. – Держись в тени. Наблюдай.

Я кивнула. Маска. Снова маска. Эта игра мне до смерти надоела.

Мы достигли разрушенной части города. Грунтовая дорога сменилась разбитым асфальтом, уходящим в поля, поросшие бурьяном. Ветер здесь гулял на просторе, срывая с травы последние сухие семена. А впереди, за обрушившимся мостом, темнели уродливые очертания завода – груды ржавого металла и битого кирпича.

– Ну что, команда, – Кортни развернула чертёж. – Стандартная схема. Я – глаза, поднимусь на верхний уровень. Рой – уши и нос, следи за периметром и химическими аномалиями. Амайя... – она посмотрела на меня, – ты – наша тень и тактик. Иди с нами, но держись в тылу. Если что-то пойдёт не так, твоя задача – оценить угрозу и дать сигнал к отступлению. Понятно?

– Понятно, – кивнула я, сжимая и разжимая пальцы.

Заброшенная промзона Ренвила лежала перед нами, как огромный, остывший труп индустриального великана. Высокие кирпичные корпуса с выбитыми, словно слепые глаза, окнами. Перекрученные железные лестницы, ведущие в никуда. Глухие бункера, поросшие колючим репейником, из которого доносилось шуршание невидимой жизни. Воздух был пропитан запахом старого металла, влажного бетона и чего-то кислого – забродивших химикатов или разложения. Между корпусами, как в каньонах, гулял пронизывающий ветер, завывавший в пустых трубах и свистевший в дырах кровли.

Мы двигались, прижимаясь к стенам, наши шаги отдавались эхом в звенящей тишине. Именно здесь, у подножия самого высокого цеха, я это почувствовала. Не звук. Не запах. Чистое, животное ощущение чужих глаз, пристально следя-

щих из каждой тени.

Я резко остановилась, схватив Роя за руку и жестом призывая к абсолютной тишине Кортни.

Но даже раньше, чем я успела что-то сказать, Рой замер. Его глаза, обычно такие ясные, стали остекленевшими. Он не слышал шагов. Он словно чувствовал их – как слабые, чужие вибрации в бетонном полу, передающиеся в кости его ног. Глухой, нарастающий гул, которого не было в воздухе, но который был в самой земле.

– Земля... дрожит. Их много. Идут отовсюду, – выдохнул он, и его голос прозвучал приглушённо, словно он прислушивался к чему-то внутри себя.

Кортни резко обернулась, её глаза расширились от ужаса. Этот холодный, точный диагноз Роя был страшнее любого внезапного рыка. Паника, острая и липкая, схватила её за горло. Она инстинктивно шагнула к нему, и в этот момент Рой застыл. Его лицо вдруг побледнело, он прижал ладонь к виску. Я видела, как он стиснул зубы – явно от боли. Но с касанием Кортни его лицо расслабилось. Словно боль внезапно отступила, растворилась, будто её смыло волной прохладной, чистой воды. Он даже вздрогнул от неожиданности, на миг отвлекаясь от ситуации.

– Меняем план, – начала я, но было уже поздно. Из-за углов соседних цехов, из проломов в стенах, бесшумно выходили они. Серые, бурые тени. Они не бежали – они методично перекрывали все пути к отступлению, сжимая кольцо. – Кортни, тебе наверх. На крышу цеха. Твои глаза сейчас нужнее всего. Рой, со мной. Мы поведём их в лабиринт, к центральной котельной, – я мысленно прокручивала изученную схему, которую Кортни добыла из архивов. – Там развилка на три тоннеля. Сбросим хвост.

Кортни, не споря, лишь кивнула, её золотые глаза метнули быструю, оценивающую молнию по карнизам и пожарным лестницам. Через мгновение она, быстрая и бесшумная, как настоящая Хату, уже расправила крылья и взлетела, растворяясь в высоте.

– Пошли, – я толкнула Роя в сторону чёрного проёма в стене соседнего здания.

Мы ворвались в темноту, и за нами, как по сигналу, сорвался с места грузный топот и короткий, злой рык. Погоня началась.

Рой выхватил из-за пояса две металлические сферы и швырнул их под ноги нападавшим. С шипением шашки вы-

пустили густой серый дым, скрыв нас из виду на драгоценные секунды. Мы бежали, петляя по знакомым только по чертежам коридорам. Сзади нарастал гул – их было много. Рой дышал рядом ровно и глубоко, но теперь его взгляд был прикован к полу и стенам, будто он видел звук погони в узорах трещин и чувствовал её тяжесть через подошвы ботинок.

Глава 3: Цена отвлечения

Адреналин жёг кровь, превращая страх в острый, кристальный фокус. Грохот преследующих шагов эхом разносился по железным перекрытиям заброшенного цеха, где мы с Роем пробирались ко второму этажу.

– Лестница в конце! – выдохнула я, указывая на шаткую металлическую конструкцию.

Мы взлетели по ней, едва не проваливаясь сквозь прогнившие ступени. Снизу уже доносился рык – они нашли наш след. С верхней галереи открывался вид на лабиринт перегородок и конвейеров внизу и на чёрный проём огромных ворот, ведущих на залитую тусклым светом улицу.

Вот он – момент выбора.

– Рой, слушай, – я схватила его за плечо, заставив встретиться взглядами. – Скорее всего, они пойдут по моему запаху. Я выйду на улицу, отведу основную стаю. Твоя задача – уйти выше, найти Кортни. С крыши вы сможете оценить их число, расположение, найти слабое место. Пока я буду водить их за нос.

– Ты с ума сошла?! – в его зелёных глазах вспыхнул ужас.
– Они тебя разорвут!

– Нет, если я буду быстрой. И если вы двое придумаете, как вытащить меня! – я почти кричала, заглушая приближающийся грохот. – На пререкания нет времени, Рой! Это приказ! Найди Кортни!

Последнее, что я увидела перед тем, как рвануть к выходу, – его искажённое мукой лицо и сжатые кулаки. Но он развернулся и побежал вглубь галереи, к следующему лестничному пролёту, ведущему на крышу. Я сделала глубокий вдох и выскочила под низкое свинцовое небо.

Открытое пространство бывшего заводского двора оказалось морем битого асфальта и островков бурьяна. Я остановилась посередине, повернувшись лицом к чёрному провалу ворот. Из него, один за другим, начали выходить они.

Серые, бурые, чёрные фигуры. Но не в человеческом облике. Они уже преобразились. У одного лицо вытянулось в волчью морду с оскаленными клыками, в то время как тело осталось почти человеческим, но с мышцами, вздувшимися под кожей. У другого руки и ноги превратились в мощные звериные конечности с когтями, скребущими асфальт. Они

двигались с хищной, расслабленной грацией, и их было семеро. Нет, восемь. Они расходились полукругом, не спеша, уверенные в своей силе. Я стояла, стараясь дышать ровно, чувствуя, как каждый их взгляд обжигает кожу.

– Ну что, мышка, кончились норы? – раздался насмешливый голос.

Из группы вышел юноша. Он был высок, хорошо сложен, с коротко стриженными чёрными волосами и глазами цвета терпкого кофе. Его трансформация была точечной, изощрённой: лишь удлинённые клыки, острые когти на пальцах и густая шерсть, проступившая на предплечьях и шее. В его осанке, в надменном изгибе бровей читалась не просто уверенность, а амбициозное высокомерие. Младший сын вожака – Сэиджи.

– Мы знаем, что в Ренвиле прячется кумихо, – произнёс он, делая шаг вперёд. Его голос был гладким как лезвие. – Его запах... особенный. И ты, девочка, пахнешь смутой и тайной. Пахнешь не так, как все. Покажи нам, кто ты. Превратись. Или, – его взгляд скользнул по крышам вокруг, – мы найдём и разберём по косточкам твоих дружков. Начнём, пожалуй, с рыжего. У него нервный запах.

Сердце упало где-то в пятки. Они знали. Не всё, но доста-

точно. Маска. Нужна маска.

– Вы ошибаетесь, – заставила я себя сказать, гордо подняв подбородок. – Я – варг. Просто моя линия... древняя. С острова.

– Докажи, – одно слово, брошенное как вызов.

Я закрыла глаза на секунду, концентрируюсь. Не на лисьей сущности, а на том образе, который мы с Роем годами оттачивали. На чувстве земли, тяжести, грубой силы. Я позволила энергии пройти по краям – безопасным краям.

С моей головы взметнулись и встали торчком два остроконечных уха, покрытых короткой шерстью того же русого оттенка, что и мои волосы. Из-под ногтей выдвинулись короткие, но острые когти. Ни хвоста, ни морды, ни перестройки скелета. Лишь намёк, полумера – то, что выглядело как неудачная, слабая трансформация неопытного варга.

В рядах волков пронёсся смешок. Сэиджи же не улыбнулся. Его ноздри дрогнули, жадно ловя воздух.

– Уши... как у варга. Когти – тоже, – пробормотал он, подходя ближе. Его холодный взгляд сканировал меня. – Но запах... Запах обманчив. В нём есть дым. И жар. Почему ты

не превратилась полностью, «сестрица»? Боишься? Или не можешь?

Он был в двух шагах. Его собственный звериный дух, агрессивный и подавляющий, давил на меня.

— Я... я не контролирую это до конца, — сделала я шаг назад, притворяясь испуганной неумехой. — Меня не так учили.

— Неправда, — отрезал Сэиджи. Его рука с длинными когтями молниеносно взметнулась, и его пальцы впились в моё запястье с такой силой, что кости хрустнули. Боль пронзила руку. — Ты что-то скрываешь. И мы выьем это из тебя. На Гриморе у нас есть методы для... упрямых экземпляров. Особенно для тех, кто может быть ценнее, чем кажется.

Он не стал ждать. Его когтистая лапа молнией взметнулась, чтобы схватить меня за горло. Я отпрыгнула от молодого варга, освобождая руку. В этот момент с крыши послышался яростный крик.

— Отошли от неё!

Это была Кортни. Она спикировала с высоты, и за её спиной распахнулись огромные, сильные крылья цвета бурого камня. Её ноги ниже колен преобразились — превратились в

мощные хищные лапы с искривлёнными когтями, которые впились в плечо ближайшего волка, готовясь к броску. Одновременно с другого конца крыши на двор обрушился комок рыжей шерсти и ярости. Рой. Он преобразился полностью – это был крупный, крепкий волк с глазами, пылающими зелёным огнём. Он вцепился в горло тому, кто был ближе всего ко мне.

Начался хаос.

Мы бились отчаянно. Рой, используя свою полную форму, был быстр и силен, он рвал и метался, отвлекая на себя троих. Кортни с высоты наносила стремительные, болезненные удары когтистыми лапами и оглушающими криками.

Я вертелась среди них, используя свои «жалкие» когти и скорость, которую ещё могла позволить себе, не раскрываясь. Мы были тремя стихиями – землёй, воздухом и обманом.

Но их было больше. И они были опытными бойцами. Один, с волчьей головой, мощным ударом отбросил Роя в грудь хлама. Двое других, с когтистыми лапами вместо рук, скоординировано атаковали Кортни, заставляя её отступать, хлопая крыльями. Меня загнали в угол.

Сэиджи, наблюдавший за всем с холодной усмешкой, медленно приблизился. На его лице не было и следа усталости.

– Мило. Но пора заканчивать. Последний шанс, девочка. Покажи свою истинную форму. Или я прикажу сломать им лапы. Медленно, не торопясь.

Он кивнул. Один из его воинов, массивный зверь с почти полностью звериными руками, наступил на лапу Роя. Раздался болезненный визг. Другой схватил Кортни за крыло, и она вскрикнула от боли.

Что-то в моей груди взорвалось. Белая, всепоглощающая ярость, против которой я была бессильна. Это было сильнее страха, сильнее разума. Я не думала о последствиях. Я просто отпустила.

Тёплая волна энергии прокатилась по мне, сжигая маску дотла. Мои уши на макушке вытянулись, заострились, превратившись в длинные, изящные лисьи уши с серебристым подшёрстком. У основания позвоночника вырвался наружу пушистый, но совершенно не волчий хвост. Мои когти на руках стали длиннее, острее, отливая синеватым металлом. Язык наткнулся на удлинённые, острые клыки. А в глазах... в глазах вспыхнул тот самый синий огонь, и слабая, мерцающая аура того же пламени обвила моё тело, сжигая пыль

у ног.

Наступила шоковая тишина. Рой, стиснув зубы от боли, смотрел на меня с непониманием и ужасом. Кортни застыла, её крылья бессильно повисли, а во взгляде, помимо шока, читался немой вопрос: «Что ты такое?»

Сэиджи отступил на шаг. Страх мелькнул в его глазах, но его тут же вытеснило жадное, торжествующее удовлетворение.

– Вот... вот она, – прошептал он, и его губы растянулись в широкой улыбке. – Истинное лицо. Я знал. Я чувал! Взять её! Живой! – рявкнул он, и кольцо волков сомкнулось. У меня не было времени на прощания.

– Бегите! – мой голос звучал хрипло и чуждо даже для меня. – В Академию! К директору! Сейчас!

Я двинулась вперёд. Мир замедлился. Мои новые когти разрезали воздух с непривычной лёгкостью. Я не билась – я расчищала путь. Одним ударом – волк с перекошенной от ужаса мордой отлетел в стену. Другим – я освободила Кортни, расцарапав удерживавшую её лапу. Рой, хромая, встал рядом.

Они колебались. Кортни смотрела на мои горящие глаза, на хвост.

– Амайя...

– Бегите! – закричала я, и в голосе прозвучала такая нечеловеческая сила, что они вздрогнули, а волки на миг замешкались. Этого мига хватило.

Стиснув зубы от боли, Рой кивнул. Он подхватил Кортни, и они, воспользовавшись кратким замешательством волков, рванули в узкий проход между зданиями. Я бросилась им наперерез, отсекая погоню стаи, чувствуя, как новая, дикая сила поёт в жилах.

И в этот момент, когда моё внимание было приковано к убегающим друзьям, Сэиджи свистнул, но атаки не последовало. Это был сигнал.

Из-за спины, из слепой зоны, метнулась тень. Волк, которого я проморгала, накинул мне на шею короткую металлическую дугу с резким щелчком.

Боль. Резкая, пронзительная, как удар током по всему телу. Ошейник. На его поверхности замигал крошечный красный огонёк. И в тот же миг пламя в моих глазах погасло. Си-

ла, только что переполняющая меня, исчезла, будто её выдернули с корнем. Лисьи уши, хвост, длинные когти – всё растворилось, оставив только обычную, хрупкую человеческую форму. Я упала на колени, чувствуя страшную, всепоглощающую пустоту. Подавитель.

Сэиджи подошёл и наклонился ко мне. Его лицо расплылось перед глазами.

– Современные технологии. «Гейзер» седьмой серии, – сказал он почти ласково. – Удобно, правда?

Последнее, что я увидела перед тем, как чья-то тяжёлая лапа обрушилась на затылок, – это тень высокого, незнакомого силуэта, неподвижно стоявшего на краю разрушенной крыши и наблюдавшего за всей схваткой. Затем мир поглотила чёрная, беззвёздная ночь.

Интерлюдия: Побег

Последнее, что Рой успел увидеть, прежде чем Кортни резко потянула его вглубь тёмного прохода, – это фигура Амайи, одиноко стоящая посреди заводского двора. Окружённая полуколыцом волков. И вспышка синего пламени, в котором угадывались очертания лисьих ушей и пушистого хвоста.

Потом стена цеха скрыла вид. Но не звуки. Глухой удар, от которого содрогнулся воздух. Рык, переходящий в визг боли. Голос Сэиджи, холодный и чёткий: «Взять её!»

Сердце Роя бешено колотилось, в висках пульсировало одно-единственное слово: Предатель. Он бросил её. Они бросили её. По её же приказу, да. Но это не делало камень в груди легче.

– Лестница! – крикнула Кортни, её пальцы впились ему в руку. Её лицо в полутьме было бледным, но глаза горели решимостью. – На крышу. Оттуда видно... может, ещё что-то...

Они взлетели по шаткой металлической лестнице, едва

не проваливаясь сквозь прогнившие ступени. Снизу донёсся ещё один удар, потом – металлический щелчок и тихий, сдавленный стон, который пронзил Роя острее любого крика. Он замер, но Кортни с силой потянула его за собой.

– Нет! – её шёпот был резким, как удар хлыста. – Ты слышал её приказ! Найти слабое место. Поднять тревогу. Это единственный способ ей помочь!

С крыши открывался вид на весь двор. И картина, которую они увидели, заставила кровь застыть в жилах. Амая лежала на коленях, согнувшись, её фигура казалась неестественно маленькой и хрупкой. На её шее мерцал красным огоньком металлический ошейник. Сэиджи стоял над ней, его тень накрывала её с головой. Он что-то говорил, но ветер уносил слова. Двое волков подхватили её безвольное тело.

– Они... они её... – голос Роя сорвался.

– Жива, – сквозь зубы процедила Кортни, впиваясь взглядом в фигуру подруги. – Дышит. Тянет голову. Это ловушка. Они берут её живьём.

В этот момент Сэиджи поднял голову. Его взгляд, холодный и цепкий, метнулся по крышам. Он что-то почуял.

– Нас обнаружили, – Рой почувствовал это раньше, чем увидел. Звериное чутьё, которое он всегда ненавидел в себе, теперь кричало о смертельной опасности. Не вибрации земли – запах. Их запах, полный страха и ярости, был теперь маяком. – Бежим. Сейчас.

Они рванули к противоположному краю крыши, к пожарной лестнице, ведущей в соседний корпус. Их побег обнаружили мгновенно. Снизу, с лестницы, по которой они только что поднялись, донёсся грубый окрик, а затем – грохот тяжёлых шагов. Двое волков в полужверином облике ломали ржавые ступени, стремительно сокращая расстояние.

Сердце Роя упало. Они не успеют. Лестница впереди казалась единственным путём, ловушкой, в которую их загоняют.

И тогда с ним произошло нечто. Вместо того чтобы бежать быстрее, он схватил Кортни и резко оттянул её в глубокую тень под нависающим козырьком разбитой кровли. Он прижал её спиной к холодной стене, сам став перед ней щитом, и... затаился. Не просто замер. Он сделал что-то со своим дыханием, со своим присутствием. Он вжался в тень, будто растворился в ней, стал выступом стены, грудой мусора, чем угодно, только не добычей. Он смотрел прямо на пролом, откуда вот-вот должны были выскочить преследователи, но

его взгляд был пустым, направленным сквозь них. Это был животный, глубинный инстинкт, о котором он не знал. Для него это был лишь отчаянный, животный порыв: «Не видь нас. Не чувствуй. Мы – часть этого места».

Волки выскочили на крышу. Они огляделись, их ноздри жадно ловили воздух. Они посмотрели прямо в их тень. И... пробежали мимо. С рыком бросились к противоположному краю крыши, решив, что добыча ушла там. Рой не двигался, пока звуки их шагов не затихли вдали. Только тогда он выдохнул, и странная, ледяная пелена, окутавшая его, рассеялась.

– Как ты...? – начала Кортни, её глаза были круглыми от изумления.

– Не знаю! – честно выдохнул Рой, сам потрясённый. Он чувствовал чудовищную усталость, будто пробежал марафон. – Просто... пошли скорее!

И они побежали. Через лабиринт крыш спустились по ржавой водосточной трубе в узкий, заваленный хламом проулок. Завод остался позади, но его удушающее присутствие, смешанное с горечью потери, витало в воздухе.

Они были уже почти у кромки леса, когда сбоку, из-за уг-

ла разбитой стены, вынырнул ещё один волк. Он был ранен – из плеча торчал обломок арматуры, – но от этого казался только злее. Увидев их, он рыкнул и, не раздумывая, выстрелил из компактного арбалета. Стальной болт, предназначенный, видимо, для усмирения, с глухим стуком вонзился Рою в плечо.

Боль была ослепительной. Рой вскрикнул, споткнулся и рухнул на колени. Тёплая кровь тут же пропитала рукав. Волк, хрипя от победы, бросился к ним.

Кортни встала между ними. У неё не было оружия. Не было силы. Был только дикий, всепоглощающий ужас за друга и яростное, кристальное «нет!». Она не думала. Она инстинктивно припала к Рою, её руки налету схватились за торчащий болт. Она не собиралась его выдёргивать. Она просто закрыла рану ладонями, сжала её, как будто могла удержать жизнь, вытекающую сквозь пальцы. И из неё, из самой глубины паники и отчаяния, хлынула волна... не энергии, а воли. Жгучего, безотчётного желания, чтобы боль прекратилась, чтобы рана закрылась, чтобы он был жив.

Под её ладонями что-то дрогнуло. Кровотечение не просто остановилось – оно будто схлопнулось. Разорванные ткани под кожей болезненно зашевелились, стягиваясь. Это не было полным исцелением – рана осталась глубокой и страш-

ной. Но она перестала быть смертельной. Угроза шока от кровопотери отступила.

Волк, увидев это, замер на миг в суеверном ужасе. Этого мига хватило. Рой, сквозь туман боли, увидел перед собой лицо Кортни, искажённое нечеловеческим усилием, и почувствовал странное тепло в ране. Он вскочил на одну ногу и, обрушив на волка всю свою массу, ударил того здоровым плечом в грудь, отшвырнув в грудку металлолома. Потом, не разбирая дороги и схватив Кортни за руку, он рванул в спасительную чащу леса.

Они бежали, спотыкаясь о корни, пока силы окончательно не оставили Роя. Он рухнул у подножия старой сосны, хватая ртом воздух. Рукава кофты не хватило, чтобы промокнуть со лба пот, смешанный с пылью и кровью. Кортни, дрожа всем телом, смотрела на свои ладони. Они были в липкой, тёмной крови, но под кровью... кожа была целой. Ни ожога, ни следа того странного тепла. Только смутная, тошнотворная пустота внутри, будто она что-то отдала, чего не могла вернуть.

– Что... что это было? – прошептал Рой, сжимая зубы от боли, но уже ясно понимая, что должен жить. Должен донести весть.

– Я не знаю, – ответила Кортни, и в её глазах, полных не

столько страха, сколько шока от собственных действий, читалось зарождающееся понимание. – Я просто... не хотела, чтобы ты умер.

Они сидели под сосной, двое испуганных детей, только что столкнувшихся с бездной не только внешней, но и внутренней. Где-то там, на территории завода, была Амайя. В плену. Им нужно было добраться до Академии. Поднять тревогу. Рассказать директору... Но что рассказать? О волках? О похищении? О том, как Амайя превратилась в существо из легенд? Или о том, как они сами... стали чем-то иным?

Ветер донёс с заводской территории далёкий, торжествующий вой. Это был не охотничий клич. Это был салют победителям, доставившим ценный трофей.

Рой поднял голову, прислушиваясь. Вой стих. Лес поглотил звук, как поглотил их самих.

– Пошли, – хрипло сказал он, поднимаясь. Он посмотрел на Кортни, на её бледное, решительное лицо. – Мы дойдём. И мы её найдём. Обещаю.

Это было не просто утешение. Это была клятва, скреплённая болью, страхом и странным теплом, которое всё ещё пульсировало под его кожей в месте раны. Они оставили по-

зади завод, пленённую подругу и часть своей старой жизни. Впереди был долгий путь назад, полный вопросов, на которые им только предстояло найти ответы. Но они шли вместе.

Глава 4: В логове волка

Сознание возвращалось медленно, волнами, каждая из которых приносила новую порцию боли. Сначала – тупая, пульсирующая боль в затылке. Затем – ноющая ломота во всём теле, будто меня переехал гружённый грузовик. И наконец – острое, унижительное чувство пустоты. Не физической, а внутренней. Как будто у меня вырвали часть души и оставили лишь холодный, чёрный вакуум.

Где-то вдали, за стенами, слышался шум – не городской гул, а мощный, неумолчный рокот водопада, смешанный с шелестом огромных деревьев и криками хищных птиц. Воздух пах влажным мхом, хвойной смолой и чужим, волчьим духом – терпким, древним, въевшимся в самые камни этого места.

Я лежала на чём-то мягком, но чужом. Шкуры. Открыв глаза, я увидела не камеру, а комнату. Небольшую, но не лишённую странной эстетики. Стены были сложены из тёплого, золотистого дерева, а не холодного камня. Сквозь раздвижные бумажные ширмы – сёдзи – лился рассеянный свет, окрашивая всё в мягкие, природные тона. В углу стояла ваза с простой, но изящной веткой, а низкий столик был сделан из

причудливо изогнутого корня. Это была келья воина-аскета или комната в дорогом рёкане, но не тюрьма. Лишь металлический ошейник на моей шее, напоминал о реальности. Он жужжал тихо, словно злобный шмель, высасывая из меня всякую искру силы.

Я зажмурилась, пытаюсь собрать воспоминания. Схватка. Ярость. Вспышка силы. Испуганные лица Роя и Кортни. Боль. Тень на крыше... И голос Сэиджи: «Современные технологии».

Значит, это Гримор. Логово клана Клык.

Паника, холодная и липкая, попыталась подняться по горлу. Я загнала её обратно, глубоко в живот, и превратила в твёрдый, ледяной ком. Паниковать нельзя. Нельзя показывать страх.

Прежде чем я смогла осмотреться дальше, ширмы с шуршанием раздвинулись. Вошли две женщины. Зрелые, степенные волчицы в простых, но дорогих кимоно приглушённых цветов. Их лица были бесстрастны, движения отточены. Они не сказали ни слова. Одна поставила на столик лаковый поднос с едой – прозрачным супом, рыбой, рисом. Другая принесла медный таз с тёплой водой, полотенца и сложенное одеяние из шёлка глубокого синего цвета, украшенное вы-

шитыми серебряными волками.

— Вас ожидает вожак, — произнесла она тоном, не терпящим возражений. — Вам надлежит выглядеть подобающе. Вы — почётная гостья клана Клык.

«Почётная гостья» на цепи. Ирония была горькой, как полынь. Я хотела отказаться, сопротивляться, но холодный расчёт взял верх. Чтобы разгадать врага, найти его слабость, нужно увидеть его в логове, среди сородичей. Я молча позволила им совершить ритуал. Они омыли мне лицо и руки, расчесали волосы, облачили в тяжёлое, холодное шелковое кимоно. Ошейник, уродливый и технологичный, контрастировал с древней красотой одеяния, как шрам на лице. Они не сняли его. Они просто аккуратно распустили мой ворот так, чтобы он был хорошо виден.

Затем меня повели. Мы вышли из комнаты на открытую деревянную галерею, и я замерла, несмотря на себя. Лагерь клана Клык не был крепостью в привычном смысле. Он был вписан в самую природу, как часть пейзажа. Мы находились высоко в горах. Деревянные и каменные строения с изогнутыми крышами, похожие на пагоды и храмы, цеплялись за скалистые уступы, соединяясь изящными арочными мостиками, перекинутыми над бурными потоками и глубокими оврагами, где внизу бились в белой пене водопады. Везде

была вода: в спокойных прудах с лилиями, в узких каналах вдоль троп, в крошечных водопадах, стекающих по замшелым камням. Воздух дрожал от влаги и гула падающей воды. И везде – символы волка: на резных панелях, на знамёнах, развевающихся на ветру. Эта умиротворённая, почти медитативная красота была обманчива. Здесь, среди садов камней и цветущих сакур, жила самая агрессивная и амбициозная стая.

Меня провели по главному мосту к самому большому строению – длинному, низкому залу с огромными открытыми проёмами вместо стен. Внутри, на возвышении, на троне из тёмного полированного дерева, сидел он.

Вожак клана Клык.

Он не был гигантом, но его присутствие заполняло всё пространство. Седая, коротко стриженная борода, лицо с сетью жёстких морщин, но пронзительные, жёлтые, как у старого волка, глаза. В них светился холодный, неоспоримый ум и абсолютная власть. Он был одет в простые, но безупречные одежды тёмно-зелёного цвета. Рядом с троном, чуть впереди, стоял Сэиджи. Его чёрные волосы были зализаны назад, на лице играла торжествующая, хищная улыбка. Он смотрел на меня, как на свой самый ценный трофей.

И чуть поодаль, в тени массивной деревянной колонны, стоял другой. Высокий, с осанкой благородного оленя, в элегантном дзяньсю из тёмно-серого шёлка, подчёркивавшего его широкие плечи и худощавость. Длинные волосы цвета воронова крыла были собраны в строгий узел. Его лицо со спокойными, тонкими чертами и глазами цвета зимнего тумана было непроницаемо. Старший сын – Акихиро. Он не смотрел на меня. Он смотрел куда-то в пространство перед троном, будто наблюдал за пьесой, которая ему давно наскучила.

Меня подвели к самому возвышению и сильным, но не грубым нажимом заставили встать на колени. Я попыталась сопротивляться, упереться, но руки стражей были железными. Унижение жгло щёки. Вожак наблюдал за этой короткой борьбой, и в его жёлтых глазах мелькнуло нечто вроде одобрения.

– Так вот она, – его голос был низким, резонирующим, как далёкий гром. – Та, что носит в себе кровь Алексины. Приветствую тебя в Гриморе, дитя леса. Пусть твой плен не будет тяжёлым.

– Это не гостеприимство. Это похищение, – выпалила я, поднимая голову.

В зале пронёсся шепоток. Сэиджи усмехнулся. Вожак же лишь медленно кивнул.

– Прямота. Хорошо. Мы, волки, ценим её. Ты права. Это не гостеприимство – это завоевание. Ты – трофей моего сына, – он кивнул на Сэиджи, – и, как любой ценный трофей, ты обретёшь здесь почётное место. Мы давно искали твою сестру по крови. Сила кумихо – величайший дар природы. Его не должно растрачивать безумие, как у того исчадия, или портить уродливыми опытами, как делали те учёные, породившие столько ничтожных мутантов. Силу следует... культивировать. Укреплять. Передавать по наследству, смешивая с самой сильной и чистой кровью.

Его слова повисли в воздухе, чудовищные в своей спокойной уверенности. Они хотели не убить меня. Они хотели приручить. Сделать маткой для новой «совершенной» расы.

– Отец, – почтительно, но с явной гордостью в голосе начал Сэиджи. – Как я докладывал, она проявила силу даже под давлением. А среди её спутников были хату с полной трансформацией крыльев и... варг, способный на полный звериный облик. Такое нынче редкость.

При этих словах вождь нахмурился, а его взгляд на мгновение скользнул в сторону Акихиро. Тот, не меняя выра-

жения, встретил взгляд отца, затем снова уставился в пространство. В этом молчаливом обмене читалось всё: Акихиро, способный на полную трансформацию, был здесь белой вороной. Недооценённым. А теперь Сэиджи привёл доказательство, что такое умение – не уникально, и вдобавок привёл живую кумихо. Его позиция фаворита укрепилась.

– Спаривание с ущербными гибридами – путь в никуда, – прорычал вожак, возвращая внимание ко мне. – Наша стая должна вернуть себе место на вершине. Естественным путём. Ты, дитя, станешь началом этого пути. Скоро состоится свадьба моего сына и наследницы крови кумихо. Пусть все знают: клан Клык смотрит в будущее!

В зале раздались одобрителльные рыки, глухой топот. Сэиджи сиял. Акихиро оставался статуей.

– А после, – я не удержалась, мой голос пересилил гул, – после того как я исполню свою «миссию»? Что тогда? Клетка? Забвение?

Вожак наклонился вперёд, и его взгляд стал ледяным.

– Мать будущих вождей стаи всегда будет под нашей защитой и в нашем почёте. Если, конечно, проявит благоразумие. А пока... – он откинулся назад. – Отведите её в покои.

Пусть отдыхает и готовится к своей новой роли.

Меня подняли с колен и повели прочь. Проходя мимо колонны, я встретила взглядом с Акихиро. Всего на миг. В его серых, как пепел, глазах не было ни злорадства, ни сочувствия. Только глубокая, бездонная задумчивость. И понимание. Он видел ту же клетку, что и я. Просто его собственная была невидима.

Меня привели не в ту комнату, а в другие, более обширные покои, с видом на внутренний сад и водопад. Дверь закрылась. Я осталась одна в изящной, просторной клетке, в шелках, пахнущих чужеродным лесом, с тяжестью ошейника на шее и ещё более тяжёлым знанием в сердце.

Они не просто враги. Они – архитекторы будущего, в котором я всего лишь инструмент, кирпичик. И мой жених – самый амбициозный и жестокий из них. Я подошла к раздвижной стене, глядя на низвергающуюся в пропасть воду. Её рёв заглушал всё. Почти всё. Внутри, под гул блокиратора, начинала рождаться тихая, ясная мысль: чтобы сломать клетку, нужно сначала понять каждый её винтик. Даже если этот винтик – холодные, умные глаза старшего брата, наблюдающего из тени.

Глава 5: Изгой и ошейник

Волчий запах въелся в кожу. Он витал в воздухе покоев, пропитывал шелковое кимоно, прилип к волосам – терпкий, древесный, чуждый. Запах власти и плена. Я не могла больше его выносить. Это физическое ощущение неволи сводило с ума сильнее цепей.

Я подошла к двери и ударила ладонью по деревянной панели, позвав прислугу. Молчаливые женщины в скромных кимоно появились почти мгновенно. В их бесстрастных глазах я прочла привычное пренебрежение, смешанное с осторожностью. На миг мои плечи будто разжались, сбросив незримую тяжесть, но холодный металл ошейника тут же вернул меня в реальность. Свобода оказалась миражом.

Меня повели по открытым галереям вглубь комплекса, к отдельному, небольшому павильону, из которого струился лёгкий пар. Воздух здесь пах серой и нагретым камнем. Внутри, в округлом чане из тёмного базальта, уже плескалась вода, дымящаяся и манящая. Прислуга удалилась, оставив меня одну.

Первые минуты были блаженством. Я погрузилась в во-

ду с головой, пытаюсь смыть не только грязь и запах, но и липкое ощущение чужих взглядов, память о жёлтых глазах жоака, насмешливую ухмылку Сэиджи. Горячая вода обволакивала, снимая мышечные зажимы, но добраться до внутреннего озноба, сковавшего сердце, не могла. Я откинулась на край, закрыла глаза, вдыхая влажный воздух. На несколько мгновений тишина и покой стали почти осязаемыми.

Их шаги, лёгкие и хищные, сливались с шумом воды. Я услышала их слишком поздно: шуршание раздвигаемой двери, сдавленный смешок. Одиночество кончилось.

Я открыла глаза. В онсэн входили трое. Молодые волчицы, дочери влиятельных воинов клана, судя по дорогим, но небрежно накинутым полотенцам и уверенным позам. В их глазах – не праздное любопытство, а плохо скрываемое, агрессивное любопытство, смешанное с желанием поразвлечься. Найти слабое место, ткнуть в него, понаблюдать за реакцией. Я узнала этот взгляд. Он бывал у старших учениц Академии, которые выбирали себе жертву помладше.

– О, смотри-ка, кто тут у нас отмокает, – произнесла первая, с волосами цвета оникса, собранными в высокий хвост. Её голос был сладок, как забродивший мёд. – Сама драгоценная пленница. Надеюсь, вода не слишком горяча для такой нежной шкурки.

Они спустились в воду, не спрашивая, окружая меня полукругом. Пространство внезапно стало тесным, удушающим.

– Чего молчим? Забыла как рычать?

– Ничего, – вступила самая невзрачная из них, с узким, хитрым лицом. – Может, ещё покажет. Говорят, кумихо, когда защищаются, такое вытворяют: огонь, иллюзии... Покажи-ка, зверёк. Или этот ошейник и правда превратил тебя в мокрую курицу?

Они переглянулись, наслаждаясь моментом. Горячий пар обжигал лицо, но не мог прогнать ледяной холод, сковавший меня изнутри. Я сидела, стараясь дышать ровно и не смотреть на них, но их насмешки доносились сквозь шелест воды, чёткие и ядовитые.

– Хм-пф, героиня нашлась, – одна из них, с волосами чернее ночи, усмехнулась и бросила слова, острые, как осколки льда, прямо в моё сердце. – Друзья-то твои быстренько ноги унесли, как только дела запахли жареным.

– Ничего удивительного, – подхватила круглолицая, лениво перебирая ладонью по воде. Её янтарные глаза мер-

цали презрением. — Крысы всегда первыми бегут с тонущего корабля. Бросили свою предводительницу, как ненужный хлам.

Кровь ударила в голову. Я сжала кулаки под водой, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Они не смеют, не смеют говорить о них так! Рой и Кортни... Они ушли по моему приказу. Ведь я знала и верила, что они вернутся с подмогой. Это был план, а не предательство. Но ошейник молчал, и его молчание было красноречивее любых оправданий.

— И чего ты тут сидишь, ждёшь, пока наш принц Сэиджи с тобой позабавится? — черноволосая скривила губы. — Наверное, надеешься, что твои трусливые друзья тебя вызволят? Да они уже на другом конце материка отсиживаются!

Что-то во мне, глубокое и дикое, рванулось на свободу. Не сила — её держал подавитель. Рванулась ярость, накопленная за день унижений, страх за друзей, стыд за свою беспомощность. Я встала, вода хлынула с плеч.

— Заткнитесь, — мой голос прозвучал тихо, но с такой сдержанной яростью, что волчицы на миг смолкли. — Следующий, кто назовёт их трусами, получит по морде.

Наступила тишина, а затем взрыв смеха. Но в их глазах

загорелся азарт. Им нужен был повод.

– Ой, зашипела! – черноволосая поднялась, её тень упала на меня. – Давай, полукровка. Покажи, на что способна лиса в клетке.

Они напали вместе. Без силы, без когтей и скорости, я могла рассчитывать только на уличную дерзость и отчаяние. Я вцепилась первой в мокрые волосы, тащила, кусалась, других била локтями и коленями. Это была грязная, животная драка. Кто-то царапнул мне лицо, кто-то ударил в живот. Я отвечала тем же, хрипя от натуги, чувствуя, как по щеке течёт что-то тёплое – кровь или вода. Мы барахтались в кипятке, пока одна из них не врезала мне в висок. Мир поплыл.

Их было трое. А я – одна, и та безоружная. Когда меня отшвырнули к бортику, я уже едва могла дышать. Синяки горели, из раны текла кровь. Волчицы, тоже помятые, стояли надомной, тяжело дыша. Удовлетворённые.

– Ну что, полегчало, дикарка? – вытерла с губ кровь их предводительница. – Всё равно ты тут никто. И твои друзья – никто. Вещички твои нам, кстати, пригодятся. На память.

Одна из них вышла и швырнула моё синее шелковое кимоно, символ моего «почётно́го» плена, в грязную лужу в

углу раздевалки. Другая сдёрнула со стены грубую занавесь, висевшую у входа.

– Это тебе оставим, чтобы стражу не смущать, – усмехнулась она и накинула её на меня, влажную и плотную.

Они ушли, громко пересмеиваясь. Я осталась сидеть на краю онсэна, дрожа от боли и всепоглощающего отчаяния. Оно подступало к горлу кислым комом, давило на глаза. Я зажмурилась, стиснула зубы. Нет. Не дам им этого удовольствия. Я обернулась в ткань, едва прикрывавшую тело, и побрела прочь, в наступающие сумерки.

Дорога к моим покоям шла мимо складских строений. Воздух уже был пронизан вечерней свежестью, но внутри меня всё горело. Я почти не видела дороги из-за тихих и жгучих слёз, которые наконец вырвались наружу.

– Ну-ка, что это у нас? – грубый голос спереди заставил меня вздрогнуть и остановиться.

Двое стражников, те самые, что сопровождали тогда Сэиджи, перекрыли узкую тропинку. Их глаза, тёмные и хищные, с интересом оглядели меня с ног до головы.

– Наша невеста, да? – один, коренастый, с обветренным

лицом, сделал шаг вперёд. – Что-то больно расстроенная. И почти голая. Холодно, поди?

– Может, согреем? – второй, помоложе и нахальнее, уже протягивал руку, чтобы ухватить край ткани.

Я отпрянула, сердце забилося где-то в горле, судорожно и громко. Паника, слепая и липкая, поднялась из живота. Ошейник. Нет силы. Нет защиты.

– Не трогайте меня, – выдохнула я, но голос дрогнул, выдав весь мой ужас.

– А мы и не будем трогать, – ухмыльнулся первый, а его напарник уже схватил меня за руку выше локтя, железной хваткой. – Мы познакомимся поближе. Принц наш, Сэиджи, не против, мы у него на хорошем счету. А ты... ты что, пожалуешься? – Его дыхание, пахнущее дешёвым алкоголем, обожгло щёку.

Я зажмурилась, чувствуя, как мир сужается до этих двух ухмыляющихся рож и боли в руке. Где-то в глубине, под гудящим ошейником, что-то дёрнулось – тлеющий уголёк бес- сильной ярости.

– Оставьте её.

Голос прозвучал не громко, но с такой неоспоримой, ледяной чёткостью, что стражники вздрогнули и разжали хватку. Я открыла глаза.

Между мной и ними стоял он. Акихиро. Высокий, в тёмном, простом халате, застёгнутом до самого горла. Его длинные чёрные волосы были гладко зачёсаны назад, лицо, лишённое эмоций, казалось высеченным из бледного мрамора. В руках он держал ещё один такой же халат из плотной ткани.

Он даже не взглянул на стражников. Его глаза, серые и пронизательные, как зимний туман, остановились на мне. Без жалости, без гнева – с холодной, аналитической оценкой. Затем, одним плавным движением, он накинул на мои плечи принесённый халат. Ткань была тёплой, сухой и пахла кедром и чем-то ещё – старой бумагой и спокойной силой. Он прикрыл меня, заслонил собой от их взглядов.

– Уходите, – произнёс Акихиро, наконец повернувшись к стражам. Голос был ровным, но в нём слышалось стальное нетерпение.

Коренастый стражник фыркнул, пытаясь вернуть себе наглость.

– Господин Акихиро... Мы просто порядок наводим. Эта дикарка...

– Порядок, – перебил его Акихиро, и в его голосе впервые прозвучала лёгкая, смертоносная усмешка, – заключается в том, чтобы не трогать собственность клана. Особенно ту, что имеет уникальную ценность. Вы же не хотите объяснять моему отцу, почему его будущая невестка ходит в синяках от рук его же стражей?

«Собственность». Слово обожгло сильнее любого оскорбления волчиц. Но сейчас оно было щитом.

Стражи переглянулись. Младший, похоже, струхнул, но старший набрался наглости.

– Ты, с позволения сказать, не в том положении, чтобы указывать, – пробурчал он. – Белая ворона... Книги читаешь, пока другие когти точат. Твой братец...

Он не успел договорить. Акихиро не трансформировался. Не было вспышки силы, звериного рёва, удлинения когтей. Просто мелькнуло движение – быстрое, точное, без малейшего намёка на агрессию, как удар хлыста.

Коренастый стражник захрипел, схватившись за горло, и согнулся в поклоне. Второй бросился вперёд, но Акихиро, словно отмахиваясь от назойливой мухи, поймал его за запястье, провернул – раздался отвратительный хруст – и оттолкнул. Тот отлетел к стене и затих, скуля от боли.

Всё заняло несколько секунд. Тишину нарушал только тяжёлый хрип поверженных и далёкий рёв водопада.

Акихиро выпрямился, поправил рукав халата. Он даже не запыхался.

– Доложите, что поскользнулись при исполнении, – сказал он тем же ровным тоном. – Или придумайте что-то правдоподобнее. А теперь исчезните.

Когда они, ковыляя и поддерживая друг друга, скрылись в темноте, Акихиро повернулся ко мне. Его лицо снова было непроницаемой маской.

– Пойдёмте. Провожу вас.

Я молча закуталась в его халат, который был на мне огромен, и поплелась за ним. Он вёл меня не в главные покои, а к небольшому, отдельно стоящему павильону, почти скрытому зарослями бамбука. Внутри было просто: низкий столик,

пара подушек для сидения, свиток с каллиграфией на стене и слабый свет бумажного фонаря.

– Садитесь, – указал он на подушку.

Я опустилась, не в силах сдержать дрожь – то ли от холода, то ли от пережитого шока. Акихиро сел напротив, его спина была прямой, а взгляд – тем самым оценивающим, каким я когда-то изучала свою комнату в Академии.

– Вам нужно научиться выбирать битвы, – сказал он наконец. Его бархатный голос был лишён упрёка, это была констатация факта. – Драка в онсэне была бессмысленна. Они спровоцировали вас, и вы клюнули. Вы позволили эмоциям затмить рассудок.

Я встрепенулась, холод пробежал по спине. Ошейник заглушал силу, но не остроту слуха.

—Вы... как вы узнали? Вы следили за мной?

Акихиро чуть заметно покачал головой, как бы сожалея о моей прямолинейности.

– Нет необходимости в слежке. Фаворитки моего брата встретились мне по пути. Они были взволнованы, обсуждали

«драку с дикаркой» и её «жалкие» попытки сопротивляться. По обрывкам их разговора несложно было понять суть проблемы. Гримор – это улей. Шёпот в одной его части становится гулом в другой.

Он снова устремил на меня оценивающий взгляд.

– Они говорили о моих друзьях, – прошептала я, сжимая края халата так, что костяшки пальцев побелели.

– И что? Слова не оставляют синяков. Ваша реакция выдала вашу слабость куда красноречивее любых оскорблений. Вы эмоциональны. Недисциплинированны. – Он сделал небольшую паузу, его серые глаза, казалось, измеряли и взвешивали каждую мою черту. – Дерзость – это роскошь, которую могут позволить себе либо очень сильные... либо очень глупые. Так кто вы, Амайя? Бунтующая сила или просто глупая девчонка, которая горит, как порох, от первой же искры? Как и ваша... биологическая предшественница.

Я вздрогнула, но на этот раз не только от того, что он назвал так Тиду. Его вопрос вонзился глубже, заставив на миг усомниться в собственной правоте. Я была сильна? С ошейником на шее, беззащитная перед любым стражником? Или всё это время я была просто глупа, полагаясь на ярость вместо расчёта?

– Не называйте её так, – выдохнула я уже без прежней силы, больше по привычке.

– А как? Безумная кумихо, спалившая город? Легендарное чудовище? – Он слегка склонил голову. – История пишется победителями, Амайя. А победителями тогда стали не кумихо... Мой отец и такие, как он, предпочли эволюцию. Слияние с людьми, выживание в тени. Ваш отец, доктор Генри, и такие, как он, предпочли науку. Они хотели не выжить, а улучшить, создать. И породили хаос. Тида была вершиной этого хаоса. А что вы?

Я смотрела на него, на это холодное, умное лицо изгоя, который всё понимал.

—Я – та, кому не дали выбора.

– Выбор есть всегда, – возразил он. – Сэиджи видит в вас трофей, мать для новой породы сверх-воинов. Прimitивный, но эффективный план. Мой отец видит укрепление власти клана. Я же... вижу потенциал.

– Для чего? Чтобы служить вам? Под надзором?

– Чтобы служить порядку, – поправил он. – Мир трещит

по швам. Магия старых рас иссякает, скрытая в таких местах, как этот остров. Наука, как показал пример Города N, порождает монстров. Нужен новый баланс. Сила кумихо – ключ. Но сила в руках того, кто не умеет ей управлять, ведёт лишь к новым пожарам. Вам нужен учитель и надзор.

– Вы предлагаете стать этим учителем? – в моём голосе прозвучало недоверие.

– Я предлагаю вам шанс не стать поводом для новой резни, – сказал он просто. – Ошейник я могу снять, но не сейчас. Сейчас он – единственное, что сдерживает моего брата от того, чтобы сломать вас побыстрее. И единственное, что сдерживает вас от того, чтобы, поддавшись эмоциям, спалить половину Гримора. Когда вы будете готовы слушать, а не просто реагировать – приходите. Этот павильон всегда открыт.

Он встал.

– Халат оставьте. Вас проводят в покои. И помните – следующая ваша вспышка гнева может стать последней. Для вас. И для тех, за кого вы так яростно пытаетесь заступиться.

Он вышел, оставив меня в тишине, нарушаемой лишь шелестом бамбука за стенами. Я сидела, закутанная в ткань, пахнущую им, и смотрела на свои дрожащие руки. Отчаяние

ещё клубилось внутри, но его уже теснила новая, холодная мысль. Он был прав. Яркие, слепые вспышки ярости вели в тупик. Чтобы выжить, чтобы защитить своих, нужно было стать умнее, холоднее. Нужно было научиться использовать не только пламя, но и разум. Даже если первый урок преподнёс тот, кто сам был пленником в этом золотом логове волков.

Я потянулась к ошейнику. Металл был холодным и бездушным. Клетка... Но теперь я начала понимать, что самые прочные решётки были не из металла.

Интерлюдия «Прошное»: Первые впечатления

Пыль.

Она стояла в воздухе автобуса густой взвесью, смешиваясь с запахом дезинфекции, дешёвых сосисок из столовой детдома и страхом. Страхом одиннадцатилетней девочки, которую второй раз в жизни куда-то везут, не спрашивая.

Вжавшись в сиденье, Амайя сидела у окна, стремясь слиться с обстановкой и стать невидимой. Её мир за последние несколько лет сузился до простых правил: не высовывайся, не доверяй, бей первой. В детском доме «Рассвет» за городом Ренвила не было места для сантиментов. Здесь выживали. И она научилась.

Автобус, старый и хриплый, подбрасывало на разбитой дороге. Он вёз особый груз – детей с «аномалиями», «потенциалом» или просто несчастных, у которых не было других вариантов, в Академию Мефистотеля. Крепость. Тюрьму. Будущее.

Дверь шипела, впуская нового пассажира. Мальчик. Блед-

ный, как простыня, весь усыпанный рыжими веснушками, будто его обрызгали грязью из-под кисти художника. Большие зелёные глаза обводили салон, полные такого неподдельного ужаса, что у Амайи внутри что-то ёкнуло – не сочувствие, а раздражение. Слабость. Его грубо подтолкнули вперёд, и он, спотыкаясь, плюхнулся на сиденье рядом с ней, у самого прохода.

Он пах свежей крахмальной рубашкой, которую явно надели специально для «торжественного случая», и чем-то ещё – нервной дрожью, потом. Амайя демонстративно отвернулась к окну, уставившись на мелькающие за стеклом унылые поля. Она не хотела видеть его страх. Он напоминал ей её собственный, глубоко закопанный и тщательно присыпанный пеплом злости.

Мальчик ёрзал постоянно. То поправлял воротник, то мял край куртки, то нервно дёргал ногой. Его беспокойство было столь ощутимым, столь навязчивым, что начало проникать сквозь броню её отчуждения. Она сжала зубы, мысленно повторяя: «Просто игнорируй. Это всего лишь поездка. Потом разойдёмся.»

Но дорога становилась всё более извилистой, автобус кидало на поворотах. И напряжение в салоне росло. Рядом с ней оно достигло пика. Она почувствовала, как он замер, его

дыхание стало частым и поверхностным. Потом раздался тихий, жалобный стон.

Амайя не успела даже отпрянуть.

Это было внезапно, неконтролируемо и отвратительно. Тёплая, кисловатая волна хлестнула её на руку, заляпала новую, неудобную куртку из дешёвого тёмно-синего бархата, которую выдали всем «новеньким».

Взрыв.

Весь накопленный гнев, страх перед будущим, ненависть к этому автобусу, к детдому, к своей собственной непохожести на всех – всё это вырвалось наружу одним яростным, пронзительным визгом. Она вскочила, тряся испачканной рукой, её глаза залили слёзы чистой, беспомощной ярости.

– Ты отвратительный! – закричала она, и её голос сорвался на самой высокой, истеричной ноте. – Урод! Больше не подходи ко мне! Никогда!

Она ждала ответа. Ожидала, что он огрызнётся, тихо заплачет, отвернётся. Так поступали в «Рассвете». Так поступала она сама.

Но Рой сделал нечто совершенно иное.

Он не стал злиться. Он даже не попытался оправдаться. Он просто поднял на неё свои огромные зелёные глаза, полные такого неподдельного горя и стыда, что это выглядело почти физической болью. Его бледное лицо исказила гримаса настоящего страдания. Нижняя губа предательски задрожала, потом подбородок заходил ходуном, и он... разрыдался. Не тихо, не украдкой. Громко, навзрыд, захлёбываясь, всей своей маленькой, тщедушной грудью. Слезы ручьями потекли по веснушкам, смешиваясь со следами его же несчастья.

Это было настолько искренне, настолько по-детски беспомощно и нелепо, что ярость Амайи ударилась об эту стену искреннего горя и... рассыпалась. Осталась только пустота и острое, колющее чувство вины, которое впилось в горло острее, чем её собственные крики.

Автобус затих, все взгляды обратились к ним. Вожатая уже поднималась с переднего сиденья, но Амайя её не замечала. Она смотрела на рыдающего мальчика, на его дрожащие плечи, и вдруг её собственная злость показалась ей уродливой и ничтожной.

«Он не злой, – промелькнула мысль, чужая и странная. –

Он просто... испугался. Как я».

Она стояла в нерешительности, вся в пятнах, пахнувшая желудочным соком и стыдом. Потом, скрипя зубами от неловкости, опустила обратно на сиденье, подальше от лужи, но уже не отодвигаясь к самому окну.

– Ладно... – прошипела она, глядя прямо перед собой. – Ну хватит... не реви уже. Прекрати.

Рыдания не стихали, но стали тише, перейдя в судорожные всхлипы. Амайя закусила губу. Потом, резким движением, сунула руку в карман своей испачканной куртки и вытащила смятый, относительно чистый бумажный платок, оставшийся от завтрака.

– На, – буркнула она, тыча ему платок в бок, даже не глядя. – Утрись.

Он взял платок, скомкал его в кулаке, потом неловко провёл им по лицу. Они не разговаривали до конца пути. Амайя сидела, напряжённая как струна, глядя в окно, но уже не видя пейзажей. Рой тихо всхлипывал, уткнувшись носом в её платок.

Автобус, наконец, с грохотом остановился. Перед ними

вознеслись огромные, светлые ворота, за которыми угадывались шпиль и стены. Академия. Вожатая, строгая женщина с птичьим профилем, начала выводить детей.

– Вы, двое, – сказала она, указывая на Амайю и Роя. – За мной. Остальным – ждать.

Они вышли под холодные, любопытные взгляды других детей. Рой шаркал ногами, стараясь не смотреть на пятно на рукаве Амайи. Амайя же, наоборот, выпрямила спину. Пятно было теперь её щитом. Доказательством того, что она уже прошла через одно испытание.

Их провели через двор к низкому, приземистому зданию, откуда доносился лязг металла и запах гари.

– Мастерские, – пояснила вожатая, и в её голосе впервые прозвучали нотки чего-то, кроме формальности. – Здесь вы встретите третьего члена вашей будущей учебной группы. Считайте, что вам повезло. Мастерские – лучшее место, чтобы понять суть вещей.

Она толкнула высокую дверь.

Внутри царил творческий хаос. Повсюду были разбросаны детали механизмов, чертежи, инструменты. И в центре

этого хаоса, за столом, заваленным шестерёнками и проводами, сидела девочка. Лет десяти. Смуглая, с тёмными, непослушными кудрями, собранными в беспорядочный пучок. Её золотые глаза, острые и умные, были прикованы к какому-то хитроумному устройству, которое она ловко разбирала тонкой отвёрткой. На её руках и фартуке были масляные пятна.

Вожатая кашлянула.

– Кортни, поздоровайся. Это твои новые напарники. Амайя и Рой.

Девочка оторвала взгляд от механизма. Она обвела Роя быстрым, оценивающим взглядом – заметила его красные, опухшие глаза, нервную дрожь в руках – и в её взгляде вспыхнул интерес, словно она увидела сложную, но любопытную деталь. Потом её взгляд перешёл на Амайю. На её сжатые губы, на вызов в глазах, на грязную куртку. И здесь интерес сменился открытым, безоружным вызовом. Глубоким, изучающим взглядом, который, казалось, говорил: «Ты интересная. Сложная. Покажи, на что способна».

– Привет, – просто сказала Кортни, кивнув. – Поможешь подать вот этот ключ? – И она указала на массивный гаечный ключ, лежавший на полу у ног Амайи.

Это было не «жалко ли тебя», не «как тебя зовут». Это было деловое предложение. Приглашение в свой мир, где важны были не прошлые обиды и не запахи, а только то, что ты можешь сделать здесь и сейчас.

Амайя посмотрела на ключ. Потом на Роя, который несмело улыбался сквозь следы слёз. Потом на Кортни, которая уже ждала, отвёртка в руке замерла в нетерпении.

Что-то внутри, ледяная скорлупа вокруг сердца, дала крошечную, почти незаметную трещину. Она не сделала шаг к дружбе. Ещё нет. Но она наклонилась и подняла тяжёлый, холодный ключ.

– Держи, – сказала она, и её голос прозвучал менее колюще, чем тогда в автобусе.

Это было только начало. Но именно в этот момент, в мастерских, пахнущих металлом и возможностями, а не в автобусе, пахнущем страхом, родилось нечто новое. Не семья. Ещё нет. Но три одинокие точки на карте мира начали медленно, неуверенно притягиваться друг к другу.

Глава 6: Зов крови

Тьма затягивала, как смола. Но на этот раз в ней не было паники – лишь леденящее, неумолимое ожидание. Я знала, что сейчас увижу. Чувствовала это нутром, каждой клеткой, которая помнила то, что разум пытался забыть.

В памяти всплыл грохот. Не взрывов – шагов. Тяжёлых, ритмичных, бронированных. Голоса, отрывистые и бездушные, эхом отдавались в черепе: «Группа «Икс». Цель – ликвидация. Очистить сектор от всех биологических образцов. Без исключений».

А потом – сдвиг, провал. Я уже была не собой, а крошечным, спящим комочком тепла, прижатым к такому же комочку. Чужое дыхание, ровное и тихое, смешивалось с моим. Нас держали на руках. Руки женщины дрожали, обнимая нас. Её лицо терялось в тенях и отсветах, но её шёпот, заклинаящий, молящий, врезался в память: «Только не их, только не их...»

А за стеной бушевало Нечто. Не чудовище из легенд. Я чувствовала её присутствие – существо невероятной, трагической красоты. Девять серебристых хвостов, опалённых

у основания, беспомощно раскинулись по обугленным обломкам. Большие, мягкие уши прижались к вытянутой, изящной морде. Её вой, тихий и надрывный, был звуком абсолютного, вселенского горя, который я ощущала кожей...

— Мама... — прошептала я теперь, во сне, и слово вырвалось из самой глубины того детского ужаса.

В памяти вспыхнули образы: солдаты в чёрной броне врываются в укрытие, их оружие гудело...

И тогда она — мама — двинулась. Не телом, а самой своей сутью. Я ощутила, как последний импульс её воли вживляется прямо в моё сознание, обжигая и оберегая: Живите. Забудьте. Будьте сильными.

Женщина с детьми вскрикнула — и исчезла в сполохах синего света. А я, беспомощный свидетель из будущего, увидела, как последняя искра в глазах лисы угасла, оставив лишь горстку пепла на развалинах нашего дома.

Я проснулась с тем же шёпотом на губах: «Мама...». Но теперь в этом слове не было вопроса. Была ужасающая, разрывающая сердце ясность. Слезы текли по вискам ручьями, но я не всхлипывала. Внутри царила пустота после бури. Тогда не была безумным чудовищем. Она была матерью, кото-

рая сгорела изнутри, защищая своих детей. Меня. А Генри... Генри был учёным, который «слишком сильно полюбил свой эксперимент», и создал семью, которую не смог защитить.

Они называют это «наследием», а я чувствую это как ожог на душе. И не знаю, даёт ли он мне силу или медленно убивает.

Я поднялась с татами. За окном павильона, отведённого мне в качестве «будущей невесты», занимался очередной серый рассвет над Гримором. Три дня. Целых три дня я провела в этой позолоченной клетке.

Первый день прошёл в оглушающей тишине, прерываемой только кошмарами, всё более яркими и ясными. Материнские чары, скрывавшие правду, иссякли вместе с её жизнью. И теперь вместо снов меня посещали воспоминания десятилетней давности.

На второй день пришла «подготовка». Женщины-волчицы с каменными лицами снимали мерки, приносили отрезы тяжёлого, вышитого серебром шёлка – свадебное платье. Я молчала, а когда одна из них попыталась прикоснуться к ошейнику «для примерки воротника», я швырнула в неё деревянный поднос. В тишине зала грохот был оглушительным. Они ушли, но я знала – это не конец.

Вечером того же дня пришёл Сэиджи. Он пах охотой, дымом и самодовольством. «Привыкай к виду, жена», – сказал он, оценивая меня взглядом, каким смотрят на лошадь. Я не ответила. Я бросила в него тяжёлую фарфоровую вазу. Он ловко уклонился, осколки брызнули у его ног. В его глазах вспыхнул не гнев, а азарт. «О, дикая. Люблю таких. Интереснее ломать». Он приходил ещё раз...

Получил в лицо бронзовую курильницу, после чего больше не приходил. Пока что. Я слышала, как он смеялся за дверью, говоря страже: «Пусть набивает цену. На то и ошейник».

Лишь одно место в этом аду не приносило покоя – здесь вообще не было покоя, – но оно давало мне пищу для ума, что заменяло силу. Это был павильон Акихиро.

В моменты, свободные от ярости и ужаса, я приходила к нему. Он не проявлял ни радости, ни раздражения. Лишь указывал на подушку напротив и начинал говорить. Он рассказывал холодно и отстранённо, как учёный на лекции. Его истории были о древних кумихо, представленных не богами, а могущественной и замкнутой расой, слишком гордой для собственного блага; об учёных раннего Города N, об их дерзости и слепоте.

– В этом мире есть два вида существ: хищники и добыча. И мне ещё предстоит решить, в какой клетке окажешься ты, – сказал он как-то, поправляя рукав. И я поняла, что он видит клетки везде. В том числе и свою собственную – из предрассудков и презрения клана.

Нужно быть сильной. Не потому, что ты хочешь, а потому, что другого выбора у тебя просто нет, – думала я, возвращаясь в свои покои после этих бесед. Его слова, его холодная логика были точильным камнем. Они обтачивали мою ярость, придавая ей остроту, а не слепую разрушительность.

В это утро, после кошмара-откровения, я встала, умылась ледяной водой из таза, пытаюсь смыть следы слёз и сна. В слабом свете, пробивавшемся через сёдзи, на подоконнике что-то шевельнулось. Бабочка. Нежная, с крыльями цвета утреннего неба и пылью, похожей на серебряную россыпь. Таких здесь, среди камней и водопадов, не должно было быть. Она трепетала, будто что-то ища.

Я замерла. Не страх, а что-то щемящее и тёплое сжало грудь. Я вспомнила: не образ, не имя – ощущение. Тепло другого маленького тельца, прижатого ко мне во сне. Смешанное дыхание. Смутное чувство, что я – не одна, что есть часть меня, отражённая и родная. Сестра. Двойняшка. Но

где она? Что с ней стало в ту ночь? Жива ли? Эти вопросы повисли в пустоте памяти, не находя ответа.

И это существо... от него исходило то же самое смутное, но неоспоримое чувство родства. Оно было тихим маяком в чужом мире.

Я медленно, боясь спугнуть, протянула руку. Бабочка не улетела. Она трепетала, глядя на меня словно живыми, понимающими глазами.

– Сестра? – прошептала я, и голос дрогнул от нелепости и отчаянной надежды.

Крылышки вздрогнули. Казалось, она кивнула. Потом вспорхнула, сделала круг по комнате и приземлилась не на подоконник, а прямо на холодный металл моего ошейника. На мгновение я почувствовала не тепло, а чёткий импульс – внимание здесь. Затем её очертания расплылись, стали прозрачными и растворились в воздухе, оставив на грязноватом металле слабый, быстро тающий след сияния.

Она не дала ответа. Она указала направление. Дух. Напоминание. Возможно, единственная нить, связывающая меня с той частью моей души, которая была потеряна. Сердце забилось чаще, но уже не от страха. От странной, горькой уве-

ренности: я не совсем одна. И мне нужно выжить, чтобы когда-нибудь найти ответ.

Я потянулась к ошейнику, коснувшись того места, где она сидела. Металл был холодным, но внутри меня горел новый огонь – не ярости, а цели.

Сердце забилось чаще, но уже не от страха. От решимости. Я поправила простую одежду, шелковое кимоно я демонстративно отвергала, и направилась к павильону Акихиро.

Он был уже на ногах, разбирал какие-то свитки. Увидев меня, кивнул к привычной подушке.

– Сегодня вы выглядите... иначе, – заметил он.

– Сегодня я кое-что вспомнила, – сказала я, опускаясь на колени. – Расскажите мне историю. Не древнюю. Недавнюю. Про учёного и его лучший эксперимент.

Акихиро отложил свиток. В его серых глазах мелькнуло что-то вроде удовлетворения.

– Очень хорошо. Итак. Некогда учёные додумались до скрещивания животных, магических существ и людей. Их

исследования шли десятилетиями, порождая больше трупов, чем открытий. Пока однажды Генри Робинс не вывел необычного зверя, позже прозванного Тидой.

Он говорил методично, как бы восстанавливая протокол.

– Это была прекрасная женщина с мягкими, большими ушами на макушке и несколькими хвостами. Она обладала внешностью кицунэ, но с критическими отличиями: ускоренная регенерация, «огонь души» – плазма высокой горючести с уникальными адаптивными свойствами, способность к глубокой мимикрии. Генри... переступил грань между учёным и творцом. Он создал с ней семью. Пока он пытался стабилизировать её уникальную природу, другие, воспользовавшись его ранними наработками, похитили формулу внедрения ДНК и продолжили опыты, порождая варгов, хату, наги – те расы, что вы знаете. Но повторить его успех не удалось. Никому. Их амбиции, смешанные с завистью и страхом, в итоге привели их прямоком к порогу его дома, когда он уже ушёл в отставку, пытаясь защитить жену и новорождённых двойняшек.

Он сделал паузу, давая мне впитать сказанное. В его рассказе не было осуждения Генри. Была констатация роковой цепи событий.

– Они пришли за формулой? – спросила я тихо.

– Они пришли, чтобы уничтожить свидетельство своего провала и источник потенциальной, неподконтрольной им силы, – поправил он. – И чтобы завладеть следующим поколением «улучшенного» материала. Вами.

Я закрыла глаза, чувствуя, как кусочки мозаики с страшной неумолимостью складываются в целую картину. Лаборатория. Пожар. Солдаты. Мать-щит.

– Вы знали. Все эти дни вы знали, кто я, и рассказывали мне это... по кусочкам.

– Знание – это нагрузка. Его нужно давать дозированно, чтобы не сломать носителя, – сказал он просто. – Вы держались лучше, чем я ожидал.

– А что дальше? – я открыла глаза и посмотрела ему прямо в лицо. – Продолжение истории? Или мне готовиться к свадьбе с вашим братом?

Акихиро встал и подошёл к окну, глядя на туман над водопадом.

– Свадьба – это тупиковая ветвь сценария. Есть и другие.

Я знаком с... одной особой. С тем, кто мог бы многому вас научить. Кто понимает природу вашего дара не по учебникам.

Моё дыхание перехватило. Кумихо.

– Почему вы мне это говорите?

– Потому что вы сделали выбор. Вы начали слушать. И потому что ошейник, – он обернулся, и его взгляд упал на мою шею, – скоро станет не нужен. Но не сейчас. Сейчас он всё ещё ваша защита от моего брата и ваша узда от вас самих. Когда придёт время, я сниму его. А пока... ждите. И готовьтесь. Ваше настоящее наследие начинается не со свадьбы. Оно начинается с правды. А правда, как вы уже поняли, имеет обыкновение жечь.

Он не стал говорить больше. Наш урок был окончен. Я вышла в прохладное утро, касаясь пальцами металла на шее. Он больше не казался просто цепью. Он был границей между старой ложью и новой страшной реальностью. И бабочка, указала на слабое место в решётке. Оставалось только набраться сил, чтобы раздвинуть прутья.

Глава 7: Побег сквозь туман

Три дня. Семьдесят два часа, каждый из которых тянулся словно смола, густая и липкая, затягивая в себя остатки сил. Но что-то внутри изменилось. Стало острее, твёрже. Как будто холодные слова Акихиро и жгучие осколки памяти выковали из моей ярости нечто новое – лезвие, а не факел.

Я стояла у раздвижной стены, глядя, как вечерний туман цеплялся за вершины гор, окутывая Гримор призрачным саваном. Воздух был влажен и тяжёл, но уже не давил так беспросветно. Ошейник по-прежнему гудел на шее, напоминая о клетке, но теперь я смотрела на него иначе: не как жертва, а как изучающий тюремщика заключённый.

Дверь в павильон бесшумно отъехала. Я не обернулась. По лёгкости шагов, по едва уловимому запаху старых книг, кедра и холодной решимости я знала, кто это.

– Завтра, – сказал Акихиро, остановившись в шаге позади. Его голос был тихим, но резал тишину, как лезвие. – Отец объявит дату свадьбы на совете старейшин.

Сердце ёкнуло, но не от страха, а от готовности. Я медлен-

но повернулась к нему. Он стоял, заложив руки в широкие рукава своего тёмного халата. Его лицо в сумеречном свете казалось высеченным из бледного мрамора – красивым, холодным и совершенно непроницаемым. Но в глазах, серых и глубоких, как воды горного озера, читалось нечто большее. ожидание, оценка.

– Я не буду на ней, – произнесла я, и мои слова прозвучали не как вызов, а как констатация погоды.

Он смотрел на меня долго, его взгляд скользил по моему лицу, будто ища последние следы сомнений, и, кажется, не нашёл.

– Мне нравится твой решительный взгляд, – наконец сказал Акихиро, и в уголке его губ дрогнуло нечто, отдалённо напоминающее улыбку. – В нём есть надежда. Смотри, не потеряй её.

Он сделал шаг в сторону, дав мне понять, что разговор окончен. Но в его прощальном взгляде, который я поймала, прежде чем он растворился в тени галереи, было предупреждение и что-то вроде благословения. Он знал и не стал мешать.

Я осталась одна в сгущающихся сумерках. Надежда –

хрупкая, опасная штука. Она могла согреть, а могла и ослепить. Я прижала ладонь к холодному металлу ошейника. «Гейзер» — изошрённое устройство, подавляющее не силу, а саму связь с источником силы, как кран, перекрывающий реку. Но даже в самой совершенной плотине есть слабые точки — микротрещины, невидимые глазу.

И тут, на подоконнике, в последнем луче угасающего света, что-то шевельнулось. Бабочка. Та самая, с крыльями цвета утреннего неба и серебряной пылью. Она прилетела вчера, как весть из другого мира. «Сестра», — снова подумала я с внезапной, болезненной ясностью. Это не просто вестник. Это её душа, её крохотная часть, отыскавшая меня. Её присутствие, тихое и печальное. Она трепетала крыльями, затем поднялась в воздух и, описав плавную дугу, опустилась прямо на ошейник: не на кожу, а на гладкий металл в месте, где едва заметный шов соединял две пластины.

Точка. Слабое место. Чувство, необъяснимое и безошибочное, прокатилось по мне волной. Я не видела трещину, но знала — она есть. И этого знания, этой тонкой, почти духовной подсказки оказалось достаточно.

В этот момент воздух в центре комнаты задрожал, как поверхность воды от брошенного камня. Запахло озоном и персиковым цветком — нежной, мимолётной весной посреди

каменных гор.

Из ничего, из самой дрожи пространства, возник он.

Мужчина – высокий, с безупречно спортивным сложением, которое чувствовалось даже сквозь простую дорожную одежду тёмного цвета. Его лицо было поразительно красивым – с чёткими, почти холодными чертами, которые заставляли бы задерживать взгляд, если бы не скрывавшая их напряжённая сосредоточенность. Короткие серебристые волосы резко чернели на кончиках, создавая эффект будто их окунули в тушь. Несколько прядей этой серебристо-черной чёлки небрежно падали ему на лоб, слегка прикрывая глаза – глубокие и тёмные, как ночное небо, без видимого зрачка, поглощавшие свет. Его взгляд был старше, чем у любого человека, которого я встречала. В его глазах читалась тяжесть прожитых эпох. Но самое главное – за его спиной, полупрозрачные и переливающиеся в сумерках, лежали восемь пушистых хвостов.

Не агрессивно распушенных, а спокойно опущенных, как часть его естества.

Кумихо? Нет, он настоящий, похож на древнего. Значит, кицунэ.

– Довольно эффектный вход, – услышала я свой собственный, удивительно спокойный голос. Адреналин бил в виски, но разум, закалённый последними днями, работал с ледяной чёткостью.

– Экономит время, – ответил незнакомец. Его голос был низким, бархатным, с лёгкой, почти музыкальной интонацией. – А его у нас, Амайя, не так много. Меня зовут Юлиан.

– Откуда ты знаешь моё имя?

– Я знаю тебя с момента твоего зачатия. В лаборатории... я был там. – Его тёмные глаза, казалось, видели сквозь меня, в прошлое. – Я знаю, что твой отец, Генри, любил твою мать как свой величайший и самый красивый эксперимент. А вас с сестрой – как его логическое продолжение. Я знаю, что тебя держат здесь, как племенную кобылу, ради амбиций волков, – он говорил без эмоций, просто констатируя жестокие факты. – И знаю, что Акихиро дал тебе шанс, но его методы слишком медленны, слишком осторожны. Мир не будет ждать, пока ты научишься контролировать свой дар по учебникам изгоя.

Он сделал шаг вперёд. Бабочка – дух сестры – взметнулась с моего ошейника и уселась ему на палец, словно к старому знакомому. Он посмотрел на неё, и в его непроницае-

мом выражении на миг мелькнула тень чего-то древнего и печального.

– Это не просто вестник. Это её душа, её крохотная часть, отыскавшая меня. Её дух не упокоился. Она вела меня к тебе, – сказал он тихо. – Её боль и твоя боль – маяки в этом море лжи, сотканной твоим отцом и теми, кто пришёл за ним. Я предлагаю тебе побег и правду: не ту, что удобна Академии или клану Клык, а ту, что я видел своими глазами.

– Почему? – спросила я, чувствуя, как его слова, чудовищные в своей прямой жестокости, не вызывают протеста, а лишь подтверждают самые тёмные догадки. – Что тебе от меня нужно?

В его чёрных, бездонных глазах вспыхнула искра – не злорадства, а чего-то более сложного: голода по истине, ответственности.

– Тебе нужна правда, чтобы не сгореть от лжи. Мне нужен тот, кто поймёт, что сила – это не дар и не проклятие, а инструмент. Я старше тебя, намного старше. Я видел, как твоя мать страдала, и видел, как её мир рухнул. Ты и я – возможно, последние, кто ещё может услышать голос Алексины и не сойти с ума. Остальные либо забыли, либо слишком боятся слушать. Она поможет нам, но для этого нужно быть живым

и свободным. А здесь, – он жестом обвёл роскошную клетку, – тебя оставят лишь в одном из этих состояний, ненадолго.

Сомнение боролось с яростным желанием довериться.

– Я тебе необходим, признай это, – сказал он, и в его голосе не было высокомерия, только холодный, неоспоримый факт. – Без меня ты либо станешь супругой волка, либо спалишь себя дотла, пытаясь выбраться. Твой огонь силен, но слеп. Я могу научить его видеть.

Эти слова повисли в воздухе, тяжелее любого озвученного утверждения. И он был прав: отчаянно, унижительно прав. Я могла злиться, не доверять его ледяной отстранённости, но альтернатива была ясна: свадьба, клетка, медленное угасание души в окружении красивой лжи.

Я посмотрела на бабочку. Она вспорхнула с пальца Юлиана и снова указала на едва заметный шов ошейника. Слабое место. Наша связь. Ты не одна.

– Как ты снимешь это? – кивнула я на «Гейзер».

– Я не буду, – ответил Юлиан. – Ты сделаешь это сама. Ошейник блокирует внешний поток, связь с твоим ядром, но есть и внутренний резервуар. Маленький. Искра. Её до-

статочно, чтобы найти трещину и подтолкнуть. Дай руку.

Его слова повисли в воздухе, но нетерпение и ярость, кипевшие во мне, не выдержали ожидания. «Позже» – звучало как пытка. Резким движением я вцепилась пальцами в холодный металл ошейника, пытаюсь силой разорвать его, сдавить, сорвать – что угодно, лишь бы не чувствовать этого удушья. Из-под ногтей выступила кровь, в ушах зазвенело от напряжения, но «Гейзер» лишь злобно взвыл в ответ, и волна обратной связи, острая и унижительная, отшвырнула моё сознание прочь, оставив лишь горький привкус поражения. Я рухнула на колени, беспомощно хватая ртом воздух.

Юлиан не сказал ни слова. Он просто вздохнул – звук, полный древней усталости – и шагнул ко мне. Его пальцы, холодные и точные, скользнули по моей шее, нашли почти невидимый шов. Без усилия, будто разгибая тонкую проволоку, он сжал. Раздался тихий, чистый щелчок, как будто лопнула струна. Гул «Гейзера» исказился, захрипел и стих. Ошейник сам раскрылся и со звоном упал на каменный пол, оставив на коже лишь красноватый след и леденящую, сладкую пустоту.

Я задышала полной грудью, и мир хлынул обратно – ярче, громче, острее. Сила не хлынула водопадом – она тихо заполнила опустевшие сосуды, согревая изнутри, как первое

дыхание после долгого удушья.

– Экономит время, – сухо констатировал Юлиан, отшвырнув сломанное устройство в угол. – Теперь сосредоточься. Слушай.

Он протянул ладонь. Я замешкалась на долю секунды, затем решительно вложила свою в его. Его пальцы были прохладными и твёрдыми.

– Сосредоточься не на силе, – прошептал он, и его голос вдруг стал похож на далёкий колокольчик, на шелест листьев. – Сосредоточься на звуке, на шёпоте. Прислушайся к тишине между ударами сердца. Там она.

Я закрыла глаза, отсекая мир: гул ошейника, собственную дрожь, шум водопада за окном. Я отодвигала всё дальше и дальше, как учил Акихиро, – не подавлять, а наблюдать. И в самой глубине, под слоями страха и гнева, я нашла её: тишину, маленькое, тёплое, пульсирующее ничто, искру.

Я направила к ней своё внимание, как луч света, и в тот же миг услышала её. Не голос, а ощущение: прохладную ладонь на лбу, запах дождя по лесу после грозы, чувство бесконечной, печальной нежности. Алексина.

Искра дрогнула, рванулась: не мощным потоком, а тончайшей иглой синеватой энергии, которая пронзила моё собственное тело, не причинив боли, и ткнулась точно в слабый шов ошейника.

Раздался тихий, высокий звук, словно лопнула струна. Гул «Гейзера» исказился, захрипел и стих. Ошейник не раскрылся, но тяжёлая, давящая пелена, душившая мою сущность, исчезла. Я снова почувствовала себя целой. Сила не хлынула водопадом – она тихо заполнила опустевшие сосуды, согревая изнутри.

Я открыла глаза. Юлиан смотрел на меня, и в его взгляде мелькнуло удовлетворение.

– Хорошо. Теперь бежим. Они уже почуяли вмешательство.

Он сжал мою руку, и мир вокруг нас поплыл, завертелся. Краски смешались в акварельный вихрь. Я почувствовала, как каменный пол уходит из-под ног, и на мгновение нас поглотила полная, беззвёздная темнота, пахнувшая персиковым цветком и озоном.

Мы материализовались не в комнате, а на узкой горной тропе за пределами основного комплекса. Ночной воздух

ударил в лицо, влажный и ледяной. Снизу, из логова, донёлся тревожный, протяжный вой – погоня.

– Беги! – толкнул меня Юлиан в спину, и его голос потерял всю прежнюю размеренность. В нём зазвучала острая, хищная собранность.

Мы понеслись вниз по тропе, которая едва держалась на скалистом склоне. Я бежала, как никогда, чувствуя, как в лёгких горит ледяной воздух, а в жилах поёт долгожданная, ещё робкая сила. Юлиан был чуть впереди, его силуэт мелькал в темноте, неестественно быстрый и бесшумный. За нами, нарастая, катился волной лай, рыки, крики. Зажигались огни.

В узком месте тоннеля перед нами выросла фигура с факелом – стражник. Юлиан даже не замедлил шаг. Его рука метнулась вперёд, не для удара. Воздух перед стражником сгустился в призрачный, переливающийся образ... меня. «Призрак» рванулся в боковой проход. Ошеломлённый стражник с рёвом кинулся за ним. Иллюзия. Уловка лисы.

– Учись, – бросил Юлиан, и в его голосе прозвучала первая, слабая нота одобрения.

Мы вырвались к берегу горной реки, где в тени гигантских

валунов была привязана лёгкая, узкая лодка. Юлиан перерезал верёвку одним движением, оттолкнул лодку от камня и втянул меня внутрь.

— Гребите! — он схватил второе весло, и мы рванули на середину потока, который тут же подхватил нас и понёс вниз по течению, к далёкому выходу из ущелья.

Я оглянулась. На обрыве уже маячили факелы. С берега донёсся яростный вой. В свете факелов я увидела фигуру Сэиджи на утёсе. Он не кричал. Он просто стоял и смотрел. А рядом с ним, чуть в стороне, в тени сосны, — другая, высокая и спокойная. Акихиро. Он смотрел на нашу удаляющуюся лодку, и я на миг встретила с его взглядом. Он не махал, не улыбался. Он просто слегка кивнул. «Смотри не потеряй», — словно долетели до меня его слова, пронесённые ветром над водой.

Завывания и крики стали отдаляться, заглушаемые рёвом воды и ветром в ушах. Скорость нарастала. Лодку бросало на волнах, ледяные брызги хлестали в лицо. Я гребла, не чувствуя усталости, чувствуя только дикий, ликующий восторг и щемящую тревогу за тех, кого оставила.

Юлиан молчал, его невероятно красивое, а теперь напряжённое лицо в лунном свете было обращено вперёд. Между

нами висела тяжёлая, недоверчивая тишина, прошитая общим страхом, общими секретами и одной страшной правдой, которую он принёс с собой.

Наконец, река вынесла нас из узкого ущелья на простор. Перед нами раскинулось огромное, тёмное озеро, а на горизонте, на другом его берегу, угадывались зубчатые очертания чужого берега – материка. Я обернулась в последний раз.

Гримор. Логово Клыка. Цепь изящных пагод и мостов, вписанных в суровую красоту гор, теперь освещённая беспокойными огнями, будто разбуженный гигантский зверь. Место, где меня пытались сломать и перековать. Место, где я нашла неожиданного союзника в лице изгоя и услышала первую, страшную часть правды о своём рождении.

– Прощай, клетка, – прошептала я, и слова унесло ветром.

Юлиан, не оборачиваясь, бросил:

– Не прощайся. Они ещё попытаются вернуть свою собственность. А теперь гребь. До рассвета нужно быть далеко.

Я повернулась лицом к тёмной воде и ударила веслом с новой силой. Лодка скользила вперёд, оставляя за собой лишь рябь и прошлое. Впереди была тьма, незнакомый берег и за-

гадочный спутник с глазами старой лисы и знанием, которое могло оказаться ядом или спасением. Но также впереди была правда, наконец-то лишённая розовых очков материнской иллюзии. И впервые за долгое время этот путь казался не бегством, а движением к чему-то. Даже если это «что-то» было так же холодно и безжалостно, как взгляд человека, сидящего напротив.

Интерлюдия: В тени пропавшей

Стены Академии, некогда казавшиеся неприступной защитой, теперь давили. Воздух в кабинете директора был густым от молчания и невысказанных обвинений. Рой стоял, сжимая повязку на плече – рана, затянутая неестественно быстро и чисто, всё ещё ныла призрачной болью. Кортни, бледная, с тёмными кругами под глазами, смотрела в пол, чувствуя на себе тяжёлый, оценивающий взгляд директрисы Грей.

– И вы утверждаете, что это была группа высокоорганизованных бойцов клана Клык? – голос директора был ровным, как лезвие.

– Да, – выдохнул Рой. – Их было много. С ошейниками-подавителями. Они... они хотели поймать именно Амайю.

Директор медленно обвела взглядом их обоих.

– А как же ваши раны? Отчёт лазарета гласит о сложных рваных травмах и... почти полном заживлении за двое суток. Без шрамов. Объясните.

Кортни вздрогнула. Она чувствовала, как Рой напрягся рядом. Они договорились не говорить о странном тепле, о вспышке, остановившей кровь.

– Нас выходили, – проговорила она, заставляя голос звучать твёрдо. – И... у нас была хорошая регенерация.

Директор пристально посмотрела на неё, и Кортни показалось, что в её глазах промелькнуло нечто – не удивление, а скорее... разочарование. Как будто она ожидала иного ответа.

– Ясно. Вашу версию событий запишут. Академия примет меры по поиску Амайи. А вам, – её взгляд стал ледяным, – предписан покой и обычные обязанности. Забудьте о заводе. Забудьте об этом инциденте. Задавать вопросы не в ваших интересах. Это приказ.

Они вышли, и тяжёлая дверь закрылась за ними с мягким, но окончательным щелчком.

– Она что, совсем не верит нам? – прошептал Рой, когда они оказались в пустом коридоре.

– Она верит. Просто не той правде, – ответила Кортни,

обхватив себя за локти. — Она не хочет, чтобы мы копали. Но мы же не можем просто... забыть.

«Забудьте». Слово жгло. Они пытались. Кортни ушла в мастерские, пытаясь заглушить тревогу лязгом металла и запахом машинного масла. Рой — к младшим ученикам на алхимию, но формулы и реагенты плыли перед глазами, сменяясь картиной того, как Амайя, с синим огнём в глазах и пушистым хвостом, кричала им бежать. И тем, как Кортни, с лицом, искажённым отчаянием, прижала ладони к его ране.

Она спасла его. Чем-то, что было ни инженерией, ни логикой, чем-то диким и пугающим. И он... он смог стать тенью, слиться с камнем так, что волки прошли мимо. Инстинкт, о котором он никогда не слышал.

Недоверие директора стало последней каплей. Если система не даёт ответов, нужно искать за её пределами.

Первой идеей были родители Роя. Скромный дом на окраине Ренвила пах пирогами и сушёными травами. Его мать, женщина с добрыми, уставшими глазами, при виде бинта на плече сразу всплеснула руками. Отец, крепкий, молчаливый мужчина с седеющими висками, слушал с каменным лицом.

— Такие способности... — отец Роя, Торgrim, покачал го-

ловой, когда сын, запинаясь, описал своё умение «исчезать».
– В нашей семье не было ничего подобного. Мы простые варги. Земля, сила, чутьё. Никаких... теней.

– Но я же смог! – настаивал Рой.

Мать, Эльва, переглянулась с мужем. В её взгляде была тревога.

– Мой дед... он был жителем тайного острова. Из Города N, – тихо сказала она. – Он мало говорил о прошлом. Только твердил, что земля там помнит всё и отдаёт тем, кто к ней прислушивается. Солнце, может, в тебе проснулось что-то... очень древнее. Что-то от тех первых, кого земля породила до всех раздоров.

Это было всё. Тупик. Но зерно было брошено: остров N. Первопредки. Древняя сила.

Кортни слушала, сидя за кухонным столом, и её ум, привыкший к чертежам и схемам, искал связи. Если сила Роя – от земли, от острова... то её? Её внезапное исцеление не было связано ни с землёй, ни с полётом. Это была воля. Желание, ставшее действием.

– А у тебя в семье, Кортни, были необычные? – спросил

Рой, когда они шли обратно в Академию под вечерним летним дождём.

– Прабабушка, – после паузы ответила Кортни. – Со стороны отца. Она была... странной. Говорила, что видит «нить жизни» в вещах и людях. Её называли чудачкой. Все её записи и инструменты отец отправил в старое семейное хранилище на чердаке нашей мастерской. Считал хламом.

Они обменялись взглядом, и в нём не нужно было слов. Это был следующий шаг.

Семейная мастерская Кортни, доставшаяся ей от деда, стояла на тихой улочке в ремесленном квартале. Пахло деревом, пылью и воспоминаниями. Чердак был настоящим лабиринтом из сундуков, ящиков и зачехлённых станков.

Поиски заняли несколько часов. Рой, с его обострившимся чутьём, нашёл задвинутый за балку небольшой дубовый ларь, покрытый странной резьбой, напоминающей сплетённые перья и пламя.

Внутри, под слоем высушенной лаванды, лежали пожелтевшие тетради, замысловатые инструменты из полированной кости и серебра, и толстый, потрепанный дневник в кожаном переплёте. На обложке вытиснены инициалы: «К.Ф».

Кайла Форест.

Кортни села на пол, прислонившись спиной к старому ткацкому станку, и открыла дневник. Рой устроился рядом, его плечо почти касалось её. В тишине чердака, нарушаемой только шорохом страниц и их дыханием, мир сузился до круга света от единственной лампы и этих странных, старых слов.

Прабабушка Кайла не была хату. Она была... «проводником», как сама себя называла. Она описывала мир как сложную паутину энергетических нитей – жизненных сил, эмоций, намерений. Она верила, что некоторые люди, особенно те, в чьих жилах течёт кровь древних рас, рождённых в «горниле перемен», могут не просто чувствовать эти нити, но и взаимодействовать с ними.

—...боль – это разорванная нить, – читала вслух Кортни, и её голос дрожал. – Страх – её спутанный клубок. А чистая, сильная воля... воля, лишённая эго, наполненная любовью или жаждой защиты... может стать иглой, что вяжет разорванное вновь. Я могла чувствовать болезнь в дереве, прежде чем оно начинало гнить. Могла, положив руки на увядающий цветок, просить его жить... и он расправлял лепестки. Отец говорил, это ересь. Что наше дело – создавать

вещи, а не играть в божества...

— Любовь или жажда защиты... — прошептал Рой. Его пальцы невольно потянулись к тому месту на плече, где была рана. — Ты... ты тогда именно так и сделала. Ты не хотела, чтобы я умер.

Кортни подняла на него взгляд. В тусклом свете её золотые глаза казались огромными.

— Я просто... не могла позволить. Больше не могла терять.

Они замолчали. Близость, вынужденная обстоятельствами, теперь наполнилась иным смыслом. Тишина между ними была тёплой, живой, как пульс. Рой осторожно, будто боясь спугнуть, положил свою большую, веснушчатую руку поверх её узкой, испачканной в чернилах и пыли. Кортни не отдернула свою. Она перевернула ладонь, и их пальцы сплелись.

—...остров, — читала она дальше, уже тише, для них двоих, — был не тюрьмой. Он был... горнилом. Местом, где сама реальность стала податливой. Там рождались не только уродцы и монстры. Там пробуждалось дремавшее в крови. Первобытная магия земли, воздуха, жизни и иллюзий. Они пытались её клонировать, подчинить, но истинный дар нельзя скопировать. Его можно только принять...

– Это про нас, – сказал Рой, и его голос был полон изумления. – Твой дар – воля, жизнь. Мой – земля, незаметность. А у Амайи... огонь и иллюзии. Все части чего-то целого. Все с того острова.

– И директриса это знала, – добавила Кортни, и в её голосе зазвучала горечь. – Она знала, что мы не просто гибриды. Она растила нас, наблюдала. И когда Амайя показала свою истинную суть... её забрали. Не Варги. Наверняка кто-то, кто знает об этом больше.

Она закрыла дневник, прижимая его к груди. Рой почувствовал, как её рука в его сжимается сильнее.

– Мы должны её найти. Не потому, что так велели. А потому, что она наша часть. Наш... наш друг.

Он посмотрел на её профиль, на упрямый изгиб губ, на решимость в опущенных ресницах. И сердце ёкнуло не только от общей цели. Оно ёкнуло по-другому. Тепло, которое разливалось по жилам, было уже не от силы предков. Оно было от её руки в его руке, от её упрямства, от её верности.

– Всё, что возможно... И немного больше, – тихо процитировал он слова Амайи, сказанные когда-то в сердцах.

Кортни повернула к нему лицо, и в её глазах, впервые за эти долгие дни тревоги и поисков, мелькнула слабая, хрупкая улыбка.

– Разумной меня не назовёшь, – продолжила она, искренне так считая.

– Зато самой нужной – назову, – выпалил Рой, и тут же покраснел до корней волос.

Они сидели так ещё долго, в пыльной тишине чердака, держась за руки, над раскрытым дневником, который изхлама превратился в карту. Карту их собственной тайны. Сила была не просто пробудившимся инстинктом. Она была наследием, ответственностью и ключом к тому, чтобы вернуть ту, без которой их мир раскололся.

Следующим днем в мастерской Кортни царила тишина, прерываемая лишь тихим шорохом бумаги, когда она вновь и вновь вглядывалась в скромные записи своей прабабушки. Солнечные лучи пробивались сквозь грязные оконные стекла, создавая теплые пятна света на пыльном полу.

– Ну что, готовы попробовать? – спросила она, вытягивая ладонь с тонким цветком, который они принесли с собой.

Рой кивнул, его лицо было озабоченным. Он смотрел на тень, бросаемую старым станком. Она казалась провокационной, как будто призывала его к действию.

– Я попробую раствориться, – сказал он, потянувшись к тени, простирающейся по полу. – Как будто она моя.

Кортни присела на корточки, держа в руках цветок, и внимательно следила за Роем.

Он закрыл глаза, сосредоточив все свои мысли. В голове снова и снова прокручивалась мысль о том, как Амайя закричала, и как он исчез в тени. Нельзя было просто смотреть на тень – надо было стать ею. Он растянул губы в усмешке, не открывая глаз, и постепенно попытался почувствовать, как тёмная энергия вокруг него приобретает плотность.

Через мгновение Рой ощутил, как холод пробежался по его телу. Он открыл глаза, но мир вокруг оставался тем же. В сердце зашевелилась злорада и разочарование.

– Я не могу, – тихо выдохнул он, чувствуя, как упадёт на пол.

– Не торопись, – ободряла его Кортни, но он быстрее, чем

она успела среагировать, уронил цветок.

– Я всего лишь... – он сжал кулаки, – всерьёз думал, что смогу.

Подбодрившая его Кортни положила руку ему на плечо.

– Даже если пока не получается, ты уже сделал шаг. Все наши способности дремлют в нас. Главное – это понимание, – она перевела взгляд на повреждённый цветок, который они нашли в мастерской. – Слушай, я попробую сосредоточиться на нити жизни и вернуть его к жизни. Может, получится...

Она спустилась на пол, обняла рукой исключительно жёлтый цветок и внимательно, пристально всматривалась в его увядшие лепестки. Все слова бабушки, все её записи стремились к этому желанию. Она постаралась быть в гармонии с таинственной нитью, про которую говорила Кайла.

– Вдохни и отпусти, – прошептала она сама себе, нежно подбирая умирающие лепестки.

Спустя несколько напряжённых секунд ей на миг показалась неясная искра – новое понимание, как идеально соединить стебель. Она замерла, не в силах поверить. Но цветок всё ещё был бездушным, его нежные листья так и оставались опущенными.

– Сколько бы ни пыталась... – Кортни прикусила губу, разочарование заполнило её сердце.

– Мы как дети, которые нашли меч, – произнёс Рой, оглядываясь на неё. – Но не знаем, как им рубить. Нам нужен учитель или хотя бы инструкция.

Кортни задумалась, глядя на его лицо, полное решимости, и почувствовала, как на душе становится немного легче.

– Да, возможно, нам нужно найти кого-то, – тихо согласилась она, обмениваясь с ним взглядом. – Но кто? Как?

Их ожидание было тяжёлым, как густой туман, но теперь в них уже блуждал новый огонь: готовность искать, учиться, понимать таинственные тонкости магии, которая текла в их жилах.

В надежде на новую истину, они оставили мастерскую, полные решимости продолжать своё начатое дело.

А где-то далеко, за морем, на проклятом острове, чьё эхо они теперь носили в крови, трепетала бабочка из синего пламени, указывая путь. И они, наконец, были готовы его пройти – не как послушные агенты, а как союз, рождённый правдой, болью и чем-то, что было крепче страха.

Их следующая битва начиналась не с поисков Амайи. Она начиналась здесь, с понимания того, кем они стали. И с тихого, непоколебимого обещания в сплетённых пальцах: идти вместе, что бы ни ждало впереди.

Глава 8: Пламя и Пепел

Тишина после побега была оглушительной. Не та благословенная тишина уединения, а напряжённая, звенящая пустота, заполненная лишь плеском воды о борт лодки и тяжёлым, ровным дыханием Юлиана. Гримор растворился в ночном тумане, превратившись в скопление призрачных огней, а затем и вовсе исчезнув из виду. Но он не исчез изнутри. Он сидел во мне холодным, тяжёлым комом – смесью страха, ярости и щемящей, нелепой благодарности к Акихиро. «Смотри не потеряй». Его слова теперь звучали как заклинание, как единственная карта в крошечной тьме.

Я сидела на дне лодки, закутавшись в свой запах страха и пота, и смотрела на спину Юлиана. Он грёб с неестественной, пугающей лёгкостью, его плечи работали ритмично, как у машинного механизма. Восемь хвостов, теперь видимые лишь как смутный, колышущийся силуэт в темноте, казалось, чувствовали течение и ветер лучше любого руля.

– Куда? – мой голос прозвучал хрипло, сорванный бегом и холодом.

– Туда, где тебя не будут искать с первого взгляда, – от-

ветил он, не оборачиваясь. – И где есть крыша над головой. Ненадолго.

Мы плыли так несколько часов. Ночь отступила, уступив место серому, бесцветному рассвету. Туман над водой рассеялся, открывая пустынный, каменистый берег, поросший чахлым сосняком. Юлиан беззвучно направил лодку к узкой, почти невидимой полоске галечника, скрытой под нависшими корнями.

Высадка была похожа на возвращение в реальность после долгого кошмара. Ноги подкашивались, земля качалась под ногами, как палуба. Юлиан вытащил лодку на камни и жестом велел следовать за собой.

Мы углубились в лес, и вскоре среди деревьев показался силуэт – не дом, а нечто среднее между хижинкой и пещерой, сложенное из огромных валунов и прогнивших балок. Место заброшенное, но не дикое. Чувствовалось, что здесь когда-то жили, но ушли намеренно, замата следы.

Внутри царила смесь запахов: сырая земля, дым и горьковатый аромат сушёных трав. Единственная комната, земляной пол, зияющий чернотой камин и походная кровать. Убежище. Юлиан щедро бросил в очаг горсть щепок, и огонь, словно проснувшись, весело затрещал, озаря стены причуд-

ливым танцем теней.

– Отдыхай, – коротко бросил он, доставая из потаённой ниши глиняный кувшин с водой и немного сушёной рыбы. – Они будут искать по воде и основным тропам. Сюда доберутся не сразу.

Я опустилась на грубую циновку у огня, сжимаясь в комок. Адреналин отступил, оставив после себя леденящую опустошённость и целый рой вопросов. Они бились в моей голове, как пойманные птицы. Я смотрела на всплески огня, и его танец напоминал мне другое пламя – синее, отчаянное, щитом вставшее между мной и смертью.

– Она спасла нас, – проговорила я вслух, не обращаясь ни к кому конкретно. – Мать. Она не была безумной. Она просто... любила.

—Любовь – это и есть высшая форма безумия для таких, как мы, – тихо отозвался Юлиан. Он сидел у стены, в тени, и его глаза отражали огонь двумя горячими точками. – Она сожгла себя дотла, чтобы дать вам шанс. И теперь ты носишь этот пепел в себе.

Я подняла на него взгляд.

– Ты говоришь так, будто это проклятие.

– Это и проклятие, и дар. Две стороны одной монеты, отчеканенной в горниле твоего рождения, – он отхлебнул воды из кружки. – Ты – дитя пепла, Амайя. Рождённая из огня и смерти. Твоя сила – это её последний вздох, её последнее «живи». Ты чувствуешь это? Как тлеющий уголь в груди?

Я положила руку на солнечное сплетение. Да. Я чувствовала. Не пламя, а глухую, тёплую тяжесть, как раскалённый камень, обёрнутый пеплом. Это было новое ощущение – ни ярость, ни страх, а нечто древнее и печальное.

В Академии это называли бы «наследием». Гризельда произнесла бы слово с благоговейным ужасом. Но для меня это не наследие. Это – шрам. Глубокий ожог на душе. И я не понимала: то ли это источник моей силы, то ли яд, который медленно меня убивает.

– Она... она заглушила мои воспоминания. Спрятала их. Но теперь они возвращаются, – сказала я вслух, впервые формулируя это.

– Её чары слабели вместе с её духом. Теперь ты осталась одна со всей правдой. И со мной, – в его голосе снова прозвучала та же, ледяная убеждённость. – Я тебе необходим.

– Ты уже говорил это, – я попыталась звучать резко, но вышло лишь устало.

– И повторю снова, пока ты не примешь это как факт. Ты не сможешь контролировать то, что внутри, читая свитки в башне Акихиро. Тебе нужен учитель, который знает огонь не по теориям, а по ожогам. Который сам был пеплом и возродился.

Я молчала, глядя на него. В свете огня его лицо казалось менее отстранённым, но не более добрым. В нём была суровая, безжалостная правда.

– Почему ты? Почему тебе не всё равно?

– Потому что я слышу тот же шёпот, что и ты. Голос Алексины. Она зовёт не только тебя. Она зовёт всех, в ком ещё тлеет искра настоящего, а не сконструированного. Ты – самая яркая искра за последнее столетие. И если ты погаснешь или попадёшь в лапы к тем, кто захочет сделать из тебя свечу в своём подсвечнике, то мы потеряем последний шанс.

– На что?

– На то, чтобы вспомнить, кто мы такие. Ни опыты, ни

ошибки, ни оружие... Наследники.

Я почувствовала, как в горле встаёт ком. Все эти разговоры о долге, наследии, искрах... Но у меня был один вопрос, простой и человеческий, от которого зависело всё.

—А она? Моя сестра? — мои слова прозвучали тихо, но в них уложилась вся накопленная боль. — Ты сказал, её дух ведёт тебя. Она... жива? Где она? Что с ней случилось в ту ночь?

Юлиан замер. Его тёмные, бездонные глаза стали ещё непроницаемее. Он смотрел на меня, а потом его взгляд скользнул к подоконнику, где на миг вновь появилась, как отзвук, прозрачная тень бабочки.

— Дух, который является тебе, — это её часть, — сказал он наконец с осторожностью, какой я прежде не слышала. — Самая светлая, самая стойкая часть. Тот клубок воли и любви, что не смогли уничтожить ни огонь, ни страх. Но целостна ли она... где её тело... это вопросы, на которые у меня сейчас нет ответа.

— Ты же чувствовал её присутствие! Сам сказал — оно вело тебя, как маяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.